К 80-летию Елены Сергеевны Новик (09.09.1941 – 12.05.2014)

УДК 39
DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-2-12-59

Е.С. Новик. Москва, 1999 г.
Фото Л. Глейзерова

«Это интересные вещи – просто как мы жили...» (из интервью Елены Сергеевны Новик, 2011 г.)

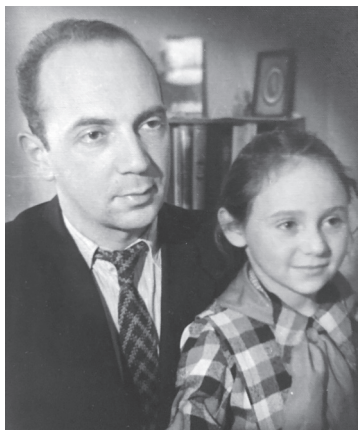
Для цитирования: «Это интересные вещи – просто как мы жили...»: (из интервью Елены Сергеевны Новик, 2011 г.) / Вступ. ст. С.Ю. Неклюдова; запись и расшифровка Е.Е. Жигариной, подгот. текста С.Ю. Неклюдова, Н.В. Петрова, коммент. С.Ю. Неклюдова, Н.В. Петрова, Г.Г. Суперфина, О.Б. Христофоровой, при участии Е.Д. Андреевой и А.С. Подгаец // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2021. Т. 4. № 2. С. 12–59. DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-2-12-59

© Новик Е.С., наследники, текст, 2021
© Неклюдов С.Ю., вступительная статья, 2021
© Неклюдов С.Ю., Петров Н.В., Суперфин Г.Г., Христофорова О.Б., Андреева Е.Д., Подгаец А.С., комментарии, 2021

“It is quite interesting – just how we were living...” (from the interview with Elena Novik, 2011)

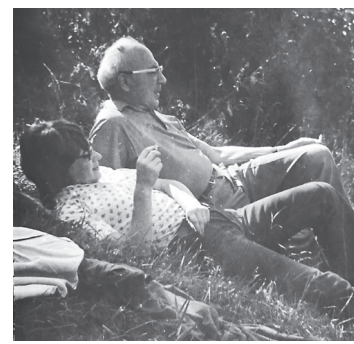
For citation: “It is quite interesting – just how we were living...” (from the interview with Elena Novik, 2011), Neklyudov, S.Yu (prolusion), Zhigarina, E.E. (recording and transcript), Neklyudov, S.Yu. and Petrov, N.V. (preprint), Neklyudov, S.Yu., Petrov, N.V., Superfin, G.G. and Khristoforova, O.B. (commentaries with the participation of E. Andreeva and A. Podgaetz) (2021), *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 4, no 2, pp. 12–59, DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-2-12-59

Елена Сергеевна Новик (фамилия, оставленная ею после первого брака) родилась в Омске, в эвакуации, в семье инженера-авиаконструктора Сергея Евгеньевича Люльки (1917–1985) и актрисы Лидии Алексеевны Бергер (1914–1970), оставившей сцену после рождения детей.



Е.С. Новик с отцом, Сергеем Евгеньевичем Люльки, в московской квартире в Подкопаевском переулке. Москва, кон. 1940-х – нач. 1950-х гг.

Е.С. Новик с двоюродной сестрой, Евгенией Георгиевной Бурышевой. 1970-е гг.



Е.С. Новик с отцом, Сергеем Евгеньевичем Люльки. 1970-е гг.

Лена окончила вечернее отделение филологического факультета МГУ (1959–1965), где руководителем ее дипломного проекта был Е.М. Мелетинский, на всю жизнь оставшийся ее учителем, коллегой и другом. В начале 1960-х годов играла в Эстрадно-театральной студии МГУ «Наш дом» (1958–1969), возглавляемой М.Г. Розовским.

Сцена из спектакля «Мы строим наш дом»
(реж. Марк Розовский, Илья Рутберг, 1958 г.).
В центре: Елена Люльки (Новик). *Слева направо:* Анатолий Макаров, Роберт Баблоян, Семен Фердман (Фарада), Александр Карпов.
Москва, Эстрадная студия МГУ (рук. М.Г. Розовский)

Сцена из спектакля «Комсомольская свадьба»
(реж. Марк Розовский, 1958 г.). *Слева направо:* Елена Люльки (Новик) в роли председательницы-бюрократки, Михаил Кочин, Владимир Точилин, Семен Фердман (Фарада), [неопозн.]. Москва, Эстрадная студия МГУ (рук. М.Г. Розовский)

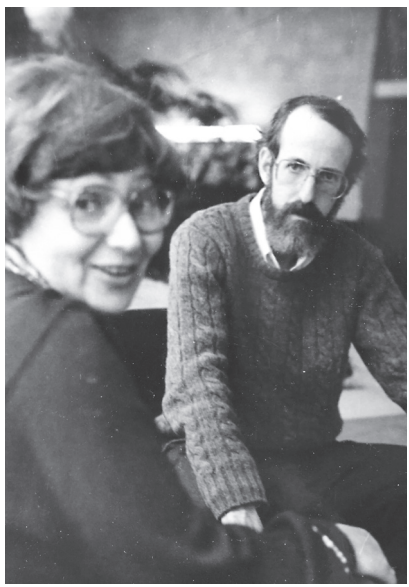
Сцена из спектакля «Мещанская свадьба»
(реж. Альберт Аксельрод, 1958 г.) Жених и невеста (*наверху*) –
Владимир Розин и Евгения Арабаджи. Гости (*слева направо*):
[неопозн.], Владимир Точилин, Елена Люльки (Новик),
Юрий Солодихин, Ирина Бабарова (?),Семен Фердман (Фарада) (?),
[неопозн.], Ирина Суворова, [неопозн.]. Москва,
Эстрадная студия МГУ (рук. М.Г. Розовский).

Сменив в студенческие годы несколько случайных профессий (секретаря курсов заочного обучения в Центральном доме народного творчества, руководителя школьного драматического кружка, техника закрытого предприятия, учителя литературы), Елена Сергеевна после окончания университета работает редактором издательства «Искусство» (1966–1974), сотрудником Фольклорной комиссии Союза композиторов СССР (1974–1989), научным сотрудником Института этнографии АН СССР (1989–1992), ведущим научным сотрудником Российского государственного гуманитарного университета – сначала в Институте высших гуманитарных исследований (1992–2004), затем в Центре типологии и семиотики фольклора РГГУ (2004–2014). В 1984 г. она защищает кандидатскую диссертацию («Типология и функции шаманского обряда: На материале сибирских традиций»), а в 1996 г. – докторскую («Фольклор – обряд – верования: Опыт структурно-семиотического изучения текстов устной культуры»).

В 1968–1986 гг. Е.С. Новик – постоянный участник Летних школ по вторичным моделирующим системам, организуемых и руководимых Ю.М. Лотманом. Работая в Фольклорной комиссии Союза композиторов, она неоднократно выезжает в сибирские этномузыковедческие экспедиции – в Якутию (1977, 1980), на Чукотку (1981, 1983, 1986), в Хабаровский и Приморский край (1984), что дает ей в руки бесценные материалы для исследований.

Е.С. Новик
и О.И. Генисаретский.
Кон. 1970-х –
нач. 1980-х гг.

Вместе с латышским кинодокументалистом Андрисом Слапиньшем (1949–1991) снимает этнографический фильм о шаманских традициях народов Сибири «Времена сновидений» (окончательно смонтирован в 1999 г.). Живейшее участие Елена Сергеевна принимает в развитии отечественной школы визуальной антропологии, в организации показов и фестивалей этнографических фильмов, а также в деятельности группы «Фольклор на экране» при Фольклорной комиссии. Наконец, в середине 2000-х годов она начинает работу над базой данных «Мифологическая проза малых народов Сибири и Дальнего Востока» – пополняемым электронным архивом фольклорных текстов этого обширного региона (http://www.ruthenia.ru/folklore/novik/index.htm).



Е.С. Новик
и американский фольклорист
Теодор Левин. 1980-е гг.

Начиная с первых работ, Елена Новик заявила о себе как о ярком и самобытном исследователе, сказавшем новое слово в избранной ею области. Ее монография «Обряд и фольклор в сибирском шаманизме» (1984; 2-е изд. – 2004), переведенная

Л.Л. Габышева и Е.С. Новик. Москва, ЦТСФ РГГУ, 2007 г.

на немецкий, английский, польский языки, продемонстрировала продуктивность применения к изучению ритуальных практик фольклористической и структурно-семиотической методологии. Елена Сергеевна была деятельным участником «домашнего» семинара Е.М. Мелетинского, результатом работы которого стали две коллективные монографии: «Структура волшебной сказки» Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова, Е.С. Новик, Д.М. Сегала (2001) и «Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике» Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова, Е.С. Новик (2010; 2-е изд. – 2021). Собрание ее замечательных статей – о структуре сказочного трюка, об архаических верованиях в свете межличностной коммуникации, о семиотических функциях голоса в фольклоре и верованиях народов Сибири, о принципе реципрокности в архаической культуре, об иноговорении в песнопениях

Структура камлания – лечения якутского шамана, по Е.С. Новик, в экспозиции Музея музыки и фольклора народов Якутии, г. Якутск. Экспозиция создана в 2009 г.

сибирских шаманов и многие другие – недавно изданы отдельным томом (*Новик Е.С.* Миф и ритуал народов Сибири. М.: РГГУ, 2019).

Ее авторитет в профессиональной среде был чрезвычайно высок.

* * *

Мы публикуем фрагменты большого интервью с Еленой Сергеевной, в котором она рассказывает о своей жизни, начиная со студенческих лет (2011), запись ее беседы с Е.Д. Андреевой и Е.Ю. Трушкиной о развитии визуальной антропологии в СССР (2012), а также воспоминания о ней коллег, учеников и друзей.

С.Ю. Неклюдов

Публикуемый текст смонтирован из текстов большого интервью, которое Е.С. Новик дала Е.Е. Жигариной 26 апреля 2011 г. В нем Елена Сергеевна рассказала о своей студенческой жизни, редакторской работе, сибирских экспедициях, а главное – о своем пути в науку и в науке. К монтажу пришлось прибегнуть, поскольку сама исходная запись трудна для чтения – устный текст, как ему и положено, изобилует перебивками, обрывами, пространными отступлениями и возвращениями к прежним воспоминаниям. При подготовке к печати интервью было разбито на фрагменты, которые затем составили тематические разделы (*МГУ, Моховая, филфак. Симпозиум по семиотике – «Домашний семинар» – Тарту. Летние школы – Издательство «Искусство» – Фольклорная комиссия Союза композиторов – Сибирские экспедиции – Первая книга – Защита – РГГУ – Свой путь*; заголовки даны составителями). Кроме того, были устранены некоторые повторы, текст в значительной мере освобожден от паразитарных словечек и частиц, а в каких-то случаях (если эллипсис или незавершенность высказывания препятствует пониманию) в квадратных скобках введены пояснения и дополнения.

Публикация сопровождается подробными комментариями. В интервью упоминаются события и обстоятельства довольно давнего прошлого, сегодня требующие пояснений; не всегда Елена Сергеевна достаточно точна, особенно в датах; наконец, иногда из текста не вполне понятно, о чем или о ком идет речь, тогда комментарий имеет лишь предположительный характер.

МГУ, Моховая, филфак. Симпозиум по семиотике

Прочитала Плеханова, которого задали, и увлеклась этнографией[1]. Третий, четвёртый [курс]. Тогда у меня спецкурсы были: сначала «Поэтика Маяковского»[2], потом вот этот Плеханов – был какой-то спецкурс. Потом был такой литературный критик Турбин[3]. Вышла его книжка, блистательно написанная[4]. Какое-то вот это увлечение! Ну у него была потрясающая, очень интересная аспирантка, которая с нами занималась анализом текста[5]. Потом, значит, [мой] муж, Новик[6], пошёл учиться [на истфак]. Ну и всё – африканской литературой занялась. Специальность моя была – филолог, русское отделение, МГУ, вечернее. Эти спецкурсы у нас тогда были вместе с дневным [отделением], то есть никакой ущербности такой не было, всё было в этом смысле нормально.

И вся эта болталка шла, пока мы вот не стали слушать Елеазара Моисеевича[7]. Я всё равно хотела защищаться по африканской литературе. <...> Пришла к Елеазару Моисеевичу советоваться.

---

[1] По-видимому, речь идет об одной из работ цикла «Письма без адреса» (*Плеханов Г.В.* Избранные философские произведения: В 5 т. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 5. С. 292–392).

[2] Вероятно, это спецкурс В.В. Дувакина «Маяковский и советская поэзия». Виктор Дмитриевич Дувакин (1909–1982), литературовед, филолог, архивист, кандидат филологических наук, основатель процесса собирания аудиозаписей бесед с деятелями науки и культуры.

[3] Турбин Владимир Николаевич (1927–1993), литературовед, литературный критик, кандидат филологических наук.

[4] *Турбин* В. Товарищ время и товарищ искусство. М.: Искусство, 1961.

[5] Предположительно – Анна Ивановна Журавлева (1938–2009), участница семинара В.Н. Турбина, его аспирантка и соавтор семинария для студентов-заочников «Творчество М.Ю. Лермонтова» (М., 1967). О семинаре В.Н. Турбина см.: *Зыкова Г., Пенская Е.* Семинар В.Н. Турбина в переписке его участников 1960-х годов // Новый мир. 2019. № 11.

[6] Новик Александр Антонович (1936–?), первый муж Елены Сергеевны, искусствовед, выпускник исторического факультета МГУ.

[7] Мелетинский Елеазар Моисеевич (1918–2005), фольклорист, мифолог, литературовед, медиевист, доктор филологических наук, профессор. Один из основателей отечественной школы структурно-типологических исследований повествовательного фольклора; в первой половине 1960-х годов читал спецкурсы на филологическом факультете МГУ.

В 62-м году был первый симпозиум по семиотике в Москве, симпозиум по «вторичным моделирующим системам»[8]. Организовывали его Вячеслав Всеволодович Иванов[9] и Владимир Николаевич Топоров[10], с которыми никаких контактов у меня не было. Но Новику хауса преподавал Щеглов[11], африканист и семиотик, который ему сказал, что будет такой конгресс. Мы с Новиком были муж и жена. Он на искусствоведческом учился. Я уже на третий курс перешла, когда он только поступил, а знакомы мы с ним были по студенческому театру[12]. Ну на этот симпозиум мы стали ходить, и первые заседания были в инязе[13]. Там я слушала доклад Жегина[14], а потом, когда он совсем лежал... я после Серёжки[15] доводила до конца его книжку «Язык живописного произведения»[16]. Всё это так вот переплеталось.

---

[8] Имеется в виду «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем» (см.: Симпозиум по структурному изучению знаковых систем: Тез. докл. М.: Изд-во АН СССР, 1962).

[9] Иванов Вячеслав Всеволодович (1929–2017), лингвист, литературовед, антрополог, семиотик, доктор филологических наук, академик РАН. Один из основателей московско-тартуской семиотической школы.

[10] Топоров Владимир Николаевич (1928–2005), лингвист, литературовед, антрополог, семиотик, доктор филологических наук, академик РАН. Один из основателей московско-тартуской семиотической школы.

[11] Щеглов Юрий Константинович (1937–2009), лингвист и литературовед, доктор филологических наук. Автор работ по африканской, античной, русской литературе, создатель «генеративной поэтики» (вместе с А.К. Жолковским).

[12] А.А. Новик играл в Студенческом театре МГУ (1957–1969), основанном Р.А. Быковым, а Елена Сергеевна (тогда еще под девичьей фамилией Люльки) – в Эстрадно-театральной студии МГУ «Наш дом» (1958–1969), руководимой М.Г. Розовским, однако оба коллектива были достаточно близки друг к другу.

[13] Институт иностранных языков (Московский государственный педагогический институт иностранных языков), сейчас – Московский государственный лингвистический университет. Лаборатория машинного перевода этого института (под руководством В.Ю. Розенцвейга) была одним из центров развития структурно-семиотических методов в советской гуманитаристике.

[14] Жегин (Шехтель) Лев Федорович (1892–1969), живописец, искусствовед. В конце жизни тяжело болел. Доклад на Симпозиуме назывался «Пространственно-временное единство живописного произведения».

[15] Везде по тексту – С.Ю. Неклюдов, сокурсник, соавтор, коллега и в течение всей жизни близкий друг Елены Сергеевны.

[16] Во время своей работы в издательстве «Искусство» (1965–1966) С.Ю. Неклюдов начинал готовить к печати монографию Л.Ф. Жегина

Потом всё это стало в Институте славяноведения проходить. И уже в день закрытия пришло какое-то местное начальство и подняло хай: что здесь вообще происходит?[17] А Институт славяноведения был тогда здесь, на Трубниковском, – маленький зальчик такой[18]. Пришли, значит, всё это запрещать. Из администрации – ну кто-то, ну фамилии его я не знала, ну учёный, там тоже доктор какой-то[19]. (А 62-й год – ещё вполне было время оттепели. Она закончилась где-то в 66-м – 67-м, вот, перед Прагой, незадолго...[20]). Те [организаторы] ещё молоденькие были... старше [нас], конечно, где-то им было за тридцать, а мне – ну двадцать три; взрослые уже были. А потом поднялся в первом ряду человек, который был их ещё старше, и стал, значит, рассказывать, что он сейчас работает над трудами Леви-Стросса, и вот для фольклора это всё перспективно и продуктивно – в общем, что-то такое. Это оказался Елеазар Моисеевич. Это было на конгрессе. Там совсем был маленький зал. «Конгресс» он назывался или «симпозиум» – я уже не помню... Не конгресс, конечно, симпозиум по семиотике. Весна, значит, 62-го года[21].

Потом я уже узнала, что он [Е.М. Мелетинский] читает лекции на моём факультете. А до этого я бегала по факультетам, искала, где что поинтереснее. Там, философия – на философский пошла. Зарубежку на дневном где-то в Коммунистической[22] слушала, на искусствоведческий – на истфак бегала. А тут оказалось, что всё вообще под рукой. Пришла туда. Там, собственно говоря, мы с Серёжей... ну по коридорам-то вместе ходили с первого курса, но в группах разных были. И потом пошла к Елеазару Моисеевичу спрашивать, что мне делать: вот я хочу африканским фольклором

«Язык живописного произведения». После его ухода эту работу продолжила и завершила пришедшая на его место Е.С. Новик. Книга вышла в 1970 г.

[17] Ортодоксальная советская наука весьма враждебно отнеслась к этому нововозникшему направлению гуманитарных исследований.

[18] Трубниковский пер., д. 30а.

[19] Видимо, Иван Константинович Горский (1921–2001), полонист-литературовед из Института славяноведения АН СССР, выступление которого Вяч.Вс. Иванов прямо назвал «политической провокацией»; ситуацию несколько смягчил председательствующий А.М. Пятигорский.

[20] Речь идет о вводе в Чехословакию войск стран Варшавского договора (август 1968 г.).

[21] На самом деле – декабрь 1962 г.

[22] Коммунистическая (бывшая Большая Богословская, нынешняя Большая академическая) – центральная аудитория в «старом» МГУ на Моховой (д. 9).

заниматься и защищаться. Ну и подошла к нему просто так, он уже как бы преподаватель наш...

Море народу у него на спецкурсе «Происхождение героического эпоса» было[23]. И были девочки с кафедры фольклора, которыми управляла... тогда Померанцева[24]... И ещё был Богатырёв[25]. Кафедру я не знала, и этих людей тоже не знала, а Елеазар Моисеевич – ну всё-таки мы раз в неделю с ним виделись. Он говорит: «Вы знаете, у меня есть аспирантка по африканскому фольклору – Леночка Котляр...[26] Давайте, вы сейчас напишите диплом по русскому фольклору, а потом можно будет ко мне в аспирантуру прийти». И это был 65-й год.

После этого разговора я стала писать диплом о змееборцах, а к тому времени Елеазар Моисеевич должен был докторскую свою защищать. Его благополучно провалили гады из его сектора фольклора, где он тогда работал[27]. Вспомнились слова, которые... нас в этой парадигме воспитывали же... «космополитизм». И он ушёл в сектор всемирной литературы, «Эдду» потом написал[28]. Ему это всё на пользу пошло, но в аспирантуру к нему уже было нельзя. Ну я как-то всерьёз и не отнеслась к этой перспективе –

---

[23] Вскоре вышла и монография (в 1966 г. защищенная как докторская диссертация): *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М.: Наука, 1963 (2-е изд. – М., 2004).

[24] Померанцева (Гофман) Эрна Васильевна (1899–1980), фольклорист и этнограф, доктор исторических наук, профессор, один из ведущих советских сказковедов. Заведовала кафедрой фольклора филфака МГУ в 1957/58 г., с 1960-х гг. работала в Институте этнографии АН СССР, но связь с кафедрой сохраняла.

[25] Богатырев Петр Григорьевич (1893–1971), фольклорист, этнограф, переводчик, доктор филологических наук, профессор, один из основателей семиотического и функционалистского взгляда на предмет фольклора и этнографии.

[26] Котляр Елена Семёновна (1936–2021), африканист, фольклорист и литературовед, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института мировой литературы РАН, автор обобщающих работ по мифологии, сказке, эпосу народов Африки.

[27] Речь идет о первой – неудачной – докторской защите Е.М. Мелетинского (опубликованной в качестве монографии: *Мелетинский Е.М.* Герой волшебной сказки: Происхождение образа. М.: Изд-во вост. лит., 1958). Защита (самое начало 1960-х гг.) не была утверждена под тем предлогом, что работа относится не к фольклористке, а к этнографии, а следовательно, филологический совет ее рассматривать не правомочен.

[28] *Мелетинский Е.М.* Эдда и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968.

учиться в аспирантуре, тогда уже к разводу [с Новиком] дело шло.

А как учитель – конечно, Елеазар Моисеевич. Ну, это же был четвёртый-пятый курс, когда мы познакомились! Ну, там было много очень милого народа, но опять же такой простоты в общении, такой готовности и делиться, и заинтересованности – больше ни в ком не было! Была у нас очень милая ассистентка Турбина... ну, как-то подружились... Но учителем я ее не могу назвать, потому что анализу текста я не у нее училась. Всё-таки это всё с Елеазаром Моисеевичем. Так что никого я не назову. Ну ещё вот... Паровозиком как-то за Серёжей... Вагончиком при Серёже. Чего он? При том, что там же много было, как мне до сих пор кажется, более к науке способных [чем я] людей... и более опытных полевиков... Но тут у меня никаких комплексов не было. Елеазар Моисеевич свои книжки писал тоже не по записям.

«Домашний семинар»

Да, а перед этим Серёжа меня уже нашёл и сказал, что Елеазар Моисеевич будет дома структурой волшебной сказки заниматься. И как-то оказался уже готовый научный центр, в который я вот просто пришла. Ну карта так легла. Притом что мы с Серёжей защищались у Елеазара Моисеевича. К нему записалась диплом писать ещё половина студентов, которые учились на дневном и к этой кафедре фольклорной были прикреплены, но им не разрешили, а оставили [нас], двух вечерников, чтоб не выглядело это как запрет на профессию, ну не знаю какими еще там соображениями руководствовались. И вот год прошёл, пока я с дипломом возякалась. Он очень хотел иметь учеников, и, конечно, нас с Серёжкой, и вот он как-то решил, что мы с Серёжкой... И на следующий год ему этот курс тоже не дали – «Героический эпос», а в ИМЛИ[29] – он тоже без учеников.

А дома он собрал семинар[30]. Пригласили Таню Цивьян[31], у которой были работы по семиотике. Цивьян я видела в первый

[29] Институт мировой литературы АН СССР / РАН, в котором с 1956 по 1994 г. работал Е.М. Мелетинский.

[30] Это происходило в маленькой двухкомнатной квартирке Е.М. Мелетинского на ул. Удальцова, д. 12, кв. 36. Собирались вечерами, по средам, с 1966 по 1973 г.

[31] Цивьян (Михайлова) Татьяна Владимировна, славист, балканист, лингвист, семиотик, переводчик, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

раз на этом же симпозиуме... По-моему, Борю Огибенина[32] пригласили – он тогда ещё не уехал... И Диму Сегала[33], у него по индейцам американским тоже была какая-то работа структуралистского плана. Но Таня отпала, Боря только разочек-другой пришёл, а Дима остался. И остались мы; Котляр [тогда] не было. Нас было четверо: Елеазар Моисеевич, Дима Сегал, Серёжа и я.

Я сама была как-то довольно разбросанна... и рассеивалось внимание, понять долго ничего не могла, как-то не сразу нашла себя в этом семинаре – ну, наверное, недостаточно была к тому времени умная по сравнению с Димой, который был сложившийся семиотик... у Серёжи уже публикации были, у меня – ничего... В общем, больше комплексовала, чем радовалась.

Потом, когда Дима всё-таки вынужден был уехать... Ему, как «подписанцу» по поводу Праги[34], не дали защищаться (а работа у него была по польской фонетике). Ну вот нет – и всё. И лет пять, наверное, все, кто был в секторе, все, кто был за ним, не подавали на защиту. В секторе структурной лингвистики[35] он тогда работал, но потом ему это всё надоело. Единственная организация, в которой полностью все подписались. Тут наказывали...

А Нина[36] к нам [пришла], когда уже уехал Дима. Елеазар Моисеевич очень хотел продолжать. И пригласили Симу Никитину[37], но до того, чтобы фиксировать [наши обсуждения] в каком-то тексте, [дело уже] не доходило.

---

[32] Огибенин Борис Леонидович, индолог и лингвист, кандидат филологических наук. Профессор, заведующий кафедрой санскрита Страсбургского университета. Эмигрировал из СССР в 1974 г.

[33] Сегал Дмитрий Михайлович, филолог, лингвист-полонист, семиотик, литературовед. Доктор философии, профессор, основатель славянского отделения Еврейского университета (Иерусалим). Эмигрировал из СССР в 1973 г.

[34] «Подписантами» стали называть участников письменных протестов против политических преследований (начиная с процесса над Синявским и Даниэлем, 1966).

[35] Сектор структурной типологии языков Института славяноведения АН СССР/РАН.

[36] Брагинская Нина Владимировна, историк культуры, антиковед, переводчик, публикатор и комментатор греческих и латинских авторов, наследия российских антиковедов, доктор исторических наук, профессор НИУ ВШЭ.

[37] Никитина Серафима Евгеньевна, лингвист, фольклорист, специалист по духовной культуре старообрядцев, молокан и духоборцев, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН.

Когда мы премию получили... вот за эту вот [работу]... когда на итальянский перевели вот эти две статьи под одной обложкой...[38] Нам дали премию в Италии. Статьи о структуре волшебной сказки были сначала опубликованы в Тартуских семиотических выпусках[39], а итальянцы тогда очень интересовались советской структуралистской школой, Пропп там был уже в моде. И когда наша книжка – продолжение или ответ Проппу... в этой же парадигме... Они ее перевели на итальянский и присудили премию [имени] какого-то своего фольклориста Питре[40].

Конечно, никого ни на какое вручение не пустили, но в ИМЛИ началось вот это: «буржуазные лжеучёные подкармливают своих прихвостней в России».

Тарту. Летние школы

Это случилось, когда мы ещё студентами были. Опять тот же Серёжка, с которым мы тогда оказались у Елеазара Моисеевича в дипломниках, предложил мне поехать в Тарту... Не на последнем даже это ещё курсе было... на студенческую конференцию[41].

---

[38] *Meletinskij E.M.*, *Nekljudov S.Ju.*, *Novik E.S.*, *Segal D.M.* La struttura della fiaba. Palermo: Sellerio editore, 1977.

[39] *Мелетинский Е.М.*, *Неклюдов С.Ю.*, *Новик Е.С.*, *Сегал Д.М.* Проблемы структурного описания волшебной сказки // Тр. по знаковым системам – IV, Тарту, 1969. С. 86–135 (Учен. зап. ТГУ, № 236); *Мелетинский Е.М.*, *Неклюдов С.Ю.*, *Новик Е.С.*, *Сегал Д.М.* Еще раз к проблеме структурного описания волшебной сказки // Тр. по знаковым системам – V, Тарту, 1971. С. 63–91 (Учен. зап. ТГУ, № 284); переизданы в кн.: Структура волшебной сказки / Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. М.: РГГУ, 2001.

[40] Международная премия Питре (*Premio Internazionale di Studi Etnoantropologici Pitré-Salomone Marino*) за лучшую работу по фольклористике (Италия, 1971); Джузеппе Питре (Giuseppe Pitré, 1841–1916), родоначальник научной итальянской фольклористики и этнографии.

Этот рассказ не совсем точен. Жюри премии – интернациональное, и дело, конечно, не только в расположении итальянцев; активным рекомендатором работы на премию был, в частности, А.Ж. Греймас, а итальянская публикация на самом деле появилась уже позднее (1977).

[41] Все-таки на последнем курсе, весной 1965 г. (XX üliõpilaste teaduslik konverents. 1.–4. aprillini 1965. Tartu: Tartu riiklik ülikool, 1965 [XX Студенческая научная конференция, 1–4 апреля. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1965]).

Е.С. Новик и Е.В. Душечкина. Москва, РГГУ, 2011 г.

Вот мы туда приехали. Курировал нас Игорь Чернов[42]. Теперь он живёт в Финляндии, а тогда он был в Тарту... таллиннский мальчик, который учился в Тарту, Леночка Душечкина[43], которая там меня к себе в гостиницу[44] поселила – как раз ее напарница там куда-то отъехала...

Вот с тех пор мы... Это, значит, 64-й какой-то год[45]. Юрия Михайловича[46] все [они] тогда обожали, это был ещё [его] первый такой выводок, с разных курсов. Там на первом курсе тогда

---

[42] Чернов Игорь Апполониевич, семиотик, литературовед, культуролог, ph.d, преподаватель (с середины 1960-х гг.) и завкафедрой русской литературы (1983–1986) ординарный профессор и завотделением семиотики Тартуского университета (1992–1997), ученик и сподвижник Ю.М. Лотмана, стоявший у истоков Летних школ по вторичным моделирующим системам, «Трудов по знаковым системам», «Блоковского сборника» и многих других изданий.

[43] Душечкина Елена Владимировна (1941–2020), литературовед и культуролог, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Выпускница Тартуского гос. университета, ученица Ю.М. Лотмана.

[44] Речь, конечно, идет о студенческом женском общежитии (ул. Тийги, 12).

[45] На самом деле – весна 1965 г.

[46] Лотман Юрий Михайлович (1922–1993), литературовед, культуролог и семиотик, доктор филологических наук, профессор и завкафедрой русской литературы (1960–1977) Тартуского гос. университета, Член Эстонской, Шведской, Норвежской академий наук. Основоположник структурального направления в литературоведении и культурологии, основной организатор Тартуско-московской семиотической школы.

был [Гарик] Суперфин[47], у которого дорога была – до университета, общежитие и книжный магазин. Куда бы мы ни шли – мы шли через этот букинистический, там были книжечки, которых в центральной России днём с огнём не найти, а там они валялись. Вот так.

Лотман – какой-то вот кудрявый, в усах! Полный восторг от того, как он говорит... и как он общается, и куда-то домой мы пошли... Это куча студентов голодных... Зара Григорьевна[48] там кого-то подпитывала... <...> И даже Леночка Душечкина, которая там на 4–5-м курсе была... Ну ничего общего с нашей университетской жизнью. Это просто была большая такая тусовка... А ему при этом меньше пятидесяти тогда, наверное, было... Ну, где-то в районе пятидесяти. Зара Григорьевна – красавица замечательная.

Так что был скорее культурный шок, потому что этот Тарту – университетский городок, форменные фуражечки! Причём разные для разных вузов! У университетских [студентов] – одни, у сельскохозяйственных[49] – другие какие-то. Медицинский – какой-то третий[50]. Ещё вот эти горки...[51] Ещё эти кофейни, ещё там всякая свежайшая выпечка. Ну, то, чего в Москве у нас не было... Ну, пирожки вот эти сдобные, в масле жареные... А там всё: и сидишь, и какие-то цветочки на столе – настоящие или ненастоящие... Вот Европа. Ну, как-то не воспринималось, что это Европа, но что это какая-то другая страна, конечно, ощущалось очень. И, по-моему, два раза так: один раз Серёжа ездил... Второй раз – это уже были Кяэрикусские чтения...[52]

---

[47] Суперфин Габриэль Гаврилович, источниковед-архивист, правозащитник. Учился в Тартуском университете (1964–1969). Архивариус Института изучения Восточной Европы Бременского университета (1995–2009).

[48] Минц Зара Григорьевна (1927–1990), литературовед, доктор филологических наук, профессор Тартуского университета, специалист по литературе Серебряного века, один из основных организаторов Тартуско-московской семиотической школы. Супруга Ю.М. Лотмана.

[49] Эстонская сельскохозяйственная академия, сейчас – Эстонский университет естественных наук.

[50] Тартуское медицинское училище.

[51] Старый Тарту расположен на холме Тоомемяги (Домская гора) и вокруг нее; в центре – университет и парк, пересекаемый бывшими оборонительными валами и рвами.

[52] Летние школы по вторичным моделирующим системам (1964, 1966, 1968, 1970, 1974, 1986), обычно (за единственным исключением) проводимые в Кяэрику, спортивном лагере Тартуского университета. Об этих мероприятиях см.: Московско-тартуская семиотическая школа: История,

Е.С. Новик на III Летней школе по вторичным моделирующим системам. Кяэрику, Эстония, май 1968 г. *Фото Г.С. Лебедевой*

Е.М. Мелетинский, Г.А. Лесскис, О.Г. Ревзина, Г.И. Ревзин, Е.С. Новик, Кяэрику, 1986 г. *Фото С. Неклюдова*

Потому что потом, когда мы закончили [университет] и уже появились какие-то наши материалы по структуре волшебной сказки на этом домашнем семинаре... уже тогда мы приглашались как участники вот этих тартуских Летних школ. А первые поездки были – ещё эти школьные, университетские контакты. Тогда ещё какая-то молодежь появилась питерская: [Гаррик] Левинтон[53],

воспоминания, размышления / Сост. и ред. С.Ю. Неклюдова. М.: Языки русской культуры, 1998.

[53] Левинтон Георгий Ахиллович, литературовед и фольклорист. Кандидат филологических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге. С 1969 г. участвовал в научных конференциях, проводимых Тартуским университетом.

III Летняя школа по вторичным моделирующим системам. Е.М. Мелетинский, Д.М. Сегал, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик. Кяэрику, Эстония, май 1968 г. *Фото Г.С. Лебедевой*

Алик Байбурин[54]... Они тоже в Тарту приехали учиться[55], но это как бы следующее [поколенье] было... Вот. А мы с боку припёку сначала <...> а потом везде и всегда вот на этом плоту Елеазара Моисеевича и его команды. Так что здесь от меня никаких движений.

Юрий Михайлович очень любил, когда под гитару пели... Обожал! По-моему, была Лена Падучева...[56] А где-то в Тбилиси оказалась я почему-то... Ну, я на ней бренькала, но так... особо-то какого-то вокального... и со слухом... Даже не то чтобы со слухом, а с воспроизведением. Под гитару всё-таки легче было не выходить

[54] Байбурин Альберт Кашфуллович, фольклорист, этнограф и антрополог, доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера).

[55] А.К. Байбурин, действительно, окончил историко-филологический факультет Тартуского университета (1972), тогда как Г.А. Левинтон учился на филологическом факультете ЛГУ (1966–1971) и с Тарту был связан неформально, участвуя в конференциях и публикуя статьи в тартуских изданиях.

[56] Падучева Елена Викторовна (1935–2019), лингвист, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории общей лингвистики ВИНИТИ РАН. Постоянный участник тартуских Летних школ по вторичным моделирующим системам. Исполнение ею песен под гитару в дружеских компаниях пользовалось большим успехом.

из тональности. Вот там. Это был первый конгресс по кибернетике... в Тбилиси собрали...[57] И туда была приглашена молодёжь. Юрий Михайлович был, Вячеслав Всеволодович, Владимира Николаевича не помню, но помню, что там Кнорозов[58] ещё был – совершенно замечательный. Сумасшедше отрешённый – такой силищи человек.

Издательство «Искусство»

Куда-то в школу попала на полставки – с октября [1965] по май [1966] пришлось мне работать в школе[59], а с апреля уже пошла в издательство. Издательство «Искусство». Там Серёжа уходил...

Знаешь, как было... там «подписанец», здесь «подписанец». Вот так все они разбросаны были, большая кампания была в Москве по искоренению крамолы. Значит, кого-то выгоняли из партии, кто был в партии. Был процесс над Синявским и Даниэлем[60]. Потом Гинзбург и Галансков[61] собрали «Белую книгу» по [этому] поводу... – всю прессу, то, что записывали на заседаниях... вот такую

[57] Речь, видимо, идет о V Всесоюзном симпозиуме по кибернетике (Тбилиси, 25–29 октября 1970 г.), который впервые (?) проводился в Тбилиси и на котором была отдельная секция семиотики. См.: V Всесоюзный симпозиум по кибернетике. (Материалы симпозиума, Тбилиси, 25–29/X.1970). Тбилиси, 1970. С. 267–386.

[58] Кнорозов Юрий Валентинович (1922–1999), историк, этнограф, лингвист, основатель отечественной школы майянистики, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера).

[59] После окончания университета Елена Сергеевна преподавала литературу в школе № 101 (1965–1966).

[60] Синявский Андрей Донатович (1925–1997), писатель, литературовед и критик. Даниэль Юлий Маркович (1925–1988), прозаик, поэт, переводчик. Речь идет об аресте Синявского и Даниэля, обвиненных в написании и передаче для напечатания за границей антисоветских произведений, и о последовавшем за этим судебном процессе (1965–1966); приговор – 7 и 5 лет соответственно.

[61] Гинзбург Александр Ильич (1936–2002), правозащитник, журналист, составитель первого подписанного издателем (А. Гинзбургом), в отличие от анонимных периодических сборников стихотворного самиздата, поэтического альманаха «Синтаксис»; Галансков Юрий Тимофеевич (1939–1972), поэт, диссидент. Дело Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой («Процесс четырёх») – один из самых известных «антидиссидентских» процессов в СССР (1968).

рукописную, крамольную [книгу] в защиту Синявского и Даниэля. Их тоже арестовали. И вот на этот арест пустили письмо, которое все честные люди должны были подписать.

В нашей редакции два [подписанта] оказалось. Почему-то нас четверо тогда [в комнате] было, когда один из них[62] принес [письмо]... но почему-то мой тогдашний покровитель... не покровитель... ну, в общем, был человечек, который как-то меня опекал, – Саша Гуревич[63]. Чего-то он почувствовал – я не знаю что. Он меня просто взял за руку – и увёл, чтоб я не подписывала, и сам не подписал.

Значит, вот этих двоих выгоняли с работы под видом того, что было сокращение штата[64]. Учителей, которые по школе подписали, значит, тоже – или переводили в младшие классы... увольняли. Кто был партийный – выгоняли из партии. Ну, это был просто такой вал московских процессов. И заинтересованные люди бегали из одного районного суда в другой. Значит, потом вечером шёл обзвон... Наверняка какие-то хроники ещё были... Ну, я этим както не очень увлекалась... гоняться за всеми этими бумажками. Ну, просто потому что у меня корректуры были, работа. Вот.

И вот мы с этим Сашей пошли в суд доказывать, что из пяти редакторов двое уйти не могут (я младшим редактором была – весь портфель у меня был); что такие вот количества – такие вот объёмы[65]. Кто-то там из бухгалтерии... принес [справку], что не было

---

[62] По-видимому, это Дмитрий Павлович Муравьев (1927–1986), историк русской литературы, составитель ряда стихотворенных сборников (В.А. Жуковского и др.), автор статей для литературных энциклопедий.

[63] Гуревич Александр Михайлович, литературовед, специалист по русскому романтизму, кандидат филологических наук, зам. гл. ред. журнала «Известия РАН. Серия литературы и языка» (с 2000 г.).

[64] Уволены были «по сокращению штатов»: Дмитрий Павлович Муравьев и Александр Анатольевич Морозов (1932–2008), филолог-антиковед, комментатор и знаток творчества О.Э. Мандельштама, инициатор, подготовитель и редактор первого в СССР после 1928 г. издания Мандельштама – ранее не публиковавшейся книги «Разговор о Данте» (М.: Искусство, 1967).

[65] По словам С.Г. Бочарова, свидетели старались, «не говоря открыто о настоящих причинах увольнения, доказывать его формальную незаконность на том основании, что редакторы оба хорошие и планового сокращения в издательстве не проводилось. Эту линию твердо ведут два свидетеля от редакции эстетики, мужественно, рискуя работой, свидетельствуют против собственного издательства – Саша Гуревич и Лена Новик» (*Бочаров С.* Памяти Д.П. Муравьева // Лица: Биографический альманах. М.; СПб.: Феникс, Atheneum, 1994. С. 447–448).

[приказа], чтобы сокращать – по закону нужно, чтобы было распоряжение из вышестоящей организации[66]. По закону так. Ну, об этом сказали. Ну, говорили [все], чего можно. После этого меня... У меня уже были книжки, которые я [вела], – «Ранние формы искусства»[67], ещё какие-то – у меня все эти рукописи забрали... оставили только функции младшего редактора, которые я так и так выполняла. Потом вызвали на ковёр. Кадровик, директор, главный редактор и мой заведующий. Там, значит, я должна была раскаиваться или осуждать тех, кто подписал, – чего они добивались. Ну, после этого разговора всё и забрали.

После этого вся прогрессивная общественность издательства, которая тоже не хотела всё это, завинчивание гаек не одобряла, подстроили... А у меня тогда первая книжка вышла, которую я редактировала. А это был Асмус[68], такой глава российской эстетики, философ, ну, в общем, крупная фигура. Они подстроили обсуждение этой книжки на издательском совете... при издательстве были какие-то советы[69]. И после этого... я там чего-то говорила – бред, по-моему, полный... к науке отношения не имеет, но что-то такое наукообразное рассказывала. После этого добились, чтобы меня перевели [с младшего] на должность редактора...

[*Вы любили свою работу редактора*?] О! Очень! Очень любила. Ну, первые вот эти четыре года, когда действительно [был] вал новых направлений, который пошёл в редакцию после всей этой марксистско-ленинской жвачки, когда максимум свободы можно было себе позволить в книжке о комическом[70]. Всё остальное должно было... где издавались секретари, выпускающие самых партийных, самых главных, самых страшных газет – «Правды»

---

[66] Приказ о сокращении штатов должен был исходить от вышестоящей инстанции.

[67] Ранние формы искусства / Сост. С.Ю. Неклюдов; отв. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Искусство, 1972.

[68] *Асмус В.Ф.* Вопросы теории и истории эстетики. М.: Искусство, 1968. Асмус Валентин Фердинандович (1894–1975), историк философии и эстетики, логик, литературовед, доктор философских наук, профессор.

[69] В частности, совет при редакции литературы по эстетике, возглавляемый М.Ф. Овсянниковым. Овсянников Михаил Федотович (1915–1987), историк философии и эстетики, доктор философских наук, профессор, завкафедрой марксистско-ленинской эстетики (с 1960 г.), декан философского факультета МГУ (1968–1974).

[70] Ср. книгу Ю.Б. Борева «Комическое, или О том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия» (М.: Искусство, 1970), изданную редакцией литературы по эстетике.

и «Известий». Ну, это был действительно бой. Потому что там какую-то книжку Можнягуна, он был какой-то главный, где-то в этих газетах... и надо было написать отрицательную рецензию[71]. По абстракционизму он был[72]. Поскольку она [рецензия] была уже вторая отрицательная, после моей всё-таки отказались [печатать].

Понимаешь, такое вот время на сломе [было], когда фитюлька какая-то вот издательская могла что-то менять. При этом начали издавать серию «Семиотика искусства», успели Успенского и Лотмана[73] издать. «Ранние формы искусства» успели издать. Жегин вышел. «Лорка об искусстве»[74]...

[*Какая ваша самая заветная книга, которую вы сделали как редактор*?] Я их все люблю! Ну, во-первых, Петра Григорьевича Богатырёва книжку очень люблю ... И был такой великолепный год с этим замечательным человеком! Росточка он был вот такого [маленького] и с вот таким [огромным] портфелем, с очками... Там же был «Русский народный театр» – он его переводил с чешского для того, чтобы защититься[75]. По сути дела, это был подстрочник. А остальные книжки переводили Боря Огибенин и Таня Цивьян...[76] Хорошо всё перевели, но тем не менее какая-то правка всег-

---

[71] Имеется в виду не предназначенная для печати «внутренняя» рецензия, дающая экспертную оценку рукописи, на основании которой издательство принимает решение о ее опубликовании, о возвращении автору на доработку, о направленности редактирования и т. д.

[72] Можнягун Сергей Ефимович (1914–1977), доктор философских наук, профессор, автор книги «Абстракционизм – разрушение эстетики» (М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1961), представленной и защищенной в качестве диссертации «Гносеологические и классовые корни абстракционизма» (1963–1965), а также книг и брошюр о модернизме, в том числе опубликованных в издательстве «Искусство» в 1960 – начале 1970-х гг.

[73] Серия «Семиотические исследования по теории искусства»: *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970; *Успенский Б.А.* Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Искусство, 1970.

[74] Федерико Гарсиа Лорка: Об искусстве: Сб. / Сост. А. Грибанов. М.: Искусство, 1971.

[75] Речь идет о книге “Lidové divadlo české a slovenské” (V Praze: Borový; Národopisná společnost československá, 1940). После расчленения Чехословакии и возвращения П.Г. Богатырёва в СССР этот труд был защищен в качестве докторской диссертации (Народный театр чехов и словаков. М.: ИФЛИ, 1941).

[76] Речь идет о работах П.Г. Богатырёва: “Actes magiques, rites et croyances en Russie subcarpathique” (Paris, 1929), “Funkcie kroja na Moravskom Slovensku” (Turčiansky Sv. Martin: Matica slovenská, 1937)

да есть. Потом какая диакритика! Книгу я довольно быстро сделала – каким я чудом успела? Когда вот гром грянул – и стали в нашей редакции в очередной раз менять состав... кто-то быстренько донёс, что [Богатырёв] –невозвращенец... Блин, живёт с 39-го года [в СССР], после того как фашисты вошли в Прагу, он живёт здесь! А он – невозвращенец! «Как она посмела? Скрыла». Ну, я действительно скрыла, но совершенно другой эпизод, когда в 68-м году в Прагу опять вошли, они там с женой оказались, в Праге! В эти дни! Представляешь, второй раз танки на улицах Праги! В 39-м и 68-м! И тогда он был молодым человеком, а сейчас уже было где-то за семьдесят... А [жена его] Тамара Юльевна[77] – статуэточка вот такая вот... 42–44 размер – маленькая такая! И грузили [их] на танки, на советские – вывозить оттуда...

Пожилые уже люди не выдержали – второй раз за свою жизнь танки на улицах своей красавицы-Праги...

Потом как-то – единственный раз! Он мне всё привозил книжки разные – проверить диакритику... Всё это привозил, а тут позвонил и говорит: «Не могли бы вы ко мне приехать?» Приезжаю. Корректура лежит. Корректура! Пронумерованный список литературы... В тексте ссылки на номера. Значит, открываю библиографию... – этот уехал из Праги, этот эмигрировал... Ну, это классики этнографии, с которыми Петр Григорьевич находился в контакте, когда он там жил, ездил в экспедиции...

Наученный за годы советской власти, что это всё криминал... Ну, и я понимаю, что если сейчас менять нумерацию, корректировать все эти номера по всей книге, никакой книжки не издадут. И я говорю: «Петр Григорьевич, почему я должна это знать?»

Вышла книга! Успела проскочить! Почти все книжки были как больные дети!

У меня уже был такой случай, когда я книжку за одним из выгнанных подписанцев[78] доводила... «Поэтику раннего Маяковского»[79]. Там уже сверку надо было подписывать – и меня вызвал наш кадровик... Или тот, кто занимался [этим], – тогда же надо было получать разрешение Главлита «в печать»[80]. Я сказала,

---

и “Die Folklore als besondere Form des Schaffens” (Nijmegen; Utrecht: Dekker & van de Veegt, 1929; совм. с Р.О. Якобсоном).

[77] Богатырева (урожд. Ланге) Тамара Юльевна (1890–1977) – жена П.Г. Богатырева (с 1923 г.).

[78] Имеется в виду А.А. Морозов.

[79] *Тренин В., Харджиев Н.* Поэтическая культура Маяковского. М.: Искусство, 1970.

[80] Сверка – корректурный оттиск, по которому проверяется правильность сделанных ранее исправлений. Если все в порядке, далее она

что мне надо ехать в Комитет по печати[81], там какие-то вопросы по корректуре. Ну, чистые листы уже[82]. Поехала я... Не на Лубянке, правда, а в Китайском проезде здание какое-то там... Охрана через каждые два шага, всё секретно... Кабинеты-этажи... на полкоридора стенгазета с названием «Сигнал». Ну, «сигналом» назывался сигнальный экземпляр, [когда] тираж ещё не получили. Какая-то тётка с такими вот драгоценностями в ушах, с такими вот кольцами показывает мне стол, стул, кладет туда корректуру и кладёт бумажку, на которой красным карандашом написаны какие-то цифры. Ну, я должна догадаться, что это страницы. Вот откуда это? Вот как можно такой ритуал удумать?! Значит, они не могут мне сказать, что вот этот, этот и этот в запретном списке! Поэтому они мне просто так положили... Я догадываюсь, что это – номера страниц.

Я открываю, и из всех, кто там встречается, я должна догадаться, кто из этих людей посмел мявкнуть, что Советский Союз оккупировал Чехословакию. Ну, во-первых, я поняла: Гумилёв – он там, естественно, ничего не предпринимал, но в чёрном списке был и так. Хотя в журналах ещё статьи [о нем появлялись]... Сбой после оттепели на это закручивание гаек, хотя перед этим в «Вопросах литературы» какие-то опусы о Гумилёве были напечатаны. Но что это Луи Арагон возмутился вводом войск... Вот дальше они смотрели: угадала я или не угадала. Остался там кто-нибудь такой – и тогда они подпишут или не подпишут эту книжку в печать. На эту правку они готовы были. Ну, спасибо, конечно, большое... Я всё угадала... Книжка вышла. А если это по всей [книге] была бы правка – так они пошлют – и всё.

Уже, казалось бы, никакой правки не было в этом сборнике «Ранние формы искусства». Там с другого боку криминал оказался. Наехали на Эрнста Неизвестного. Вот, значит, абстракционизм в оформлении. Книжная графика. Абстракционизм! Тогда модульная схема была у наших художников... И вот они придумывали... куча здесь иллюстраций – невозможное количество. И вот такие

подписывается в печать – редактором книги, заведующим редакцией и прочими издательскими инстанциями. Это – документ, дающий право на изготовление тиража, но прежде книга «литуется», т. е. получает разрешение советского цензурного комитета – Главлита (Главного управления по делам литературы и издательств, 1922–1990).

[81] Комитет по печати – Государственный комитет Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли (Госкомиздат, 1949–1991), осуществлявший и цензурные функции.

[82] Чистые листы – первые оттиски листов будущего тиража, сфальцованные, но еще не сшитые в книжный блок; предоставляются типографией в издательство для окончательного контроля и выявления опечаток.

квадратики... Помнишь палеолитическую картинку с оттиском руки? Человеческих рук. Вот под этот формат был медный штамп. Медный штамп за полгода заказывать надо! Вызывает меня директор и говорит: «Это что за оформление? Что за абстракционизм!?» А я уже привыкла, что они не любят, когда им подчинённые в глаза смотрят. В какой-то момент теряются, если глазами встречаются. В этот момент нужно успеть сказать то, что ты хочешь. Говорю: «Какой абстракционизм? Что может быть натуральнее отпечатанных пальцев ладошки?!» Рассердился всё-таки: «Нет – и всё!»

А я только-только управилась, у меня перед этим заместитель директора по хозяйственной части [вообще] снял все иллюстрации. Здесь их больше трёхсот. Потому что – не надо редакции эстетики увеличивать объем, и с этим прибежали ко мне... Мой художественный редактор в отпуске, и как она расстроится, а я с этим бодаюсь ещё, что будет пустая обложка. Говорит: «Две бутылки, и Вася съездит... мы уже нашли этот фрезик... уже нашли...»[83] Ну, конечно, выпадает из этого принципа: при каждой статье вот такая вот штука. Ну, вот какую-то картинку сюда мы нашли вместо этой руки, сами нашли. Я говорю: «Вообще, это сцена соития, если уж на то пошло... Ну, вот если это можно вместо ладошки, то пускай так и будет!» И действительно за две бутылки в течение трёх дней наш курьер новый медный штамп сделал! А чтобы эти иллюстрации сохранить, из технической редакции девчонки поехали в типографию... Видишь, как его смакетировали? Всё навылет дали! То есть здесь была плотность листа, как не была вообще никогда, потому что видишь какая здесь полоса, а здесь они [картинки] вот так! Но верстать ей пришлось всё самой – в типографии это сделать, чтобы картинки были в нужных местах, а не где-то ещё... В общем, книжка золотая и люди золотые. Понимаешь, люди золотые, которым не всё равно. Вот они видели, что я бьюсь – бяк-бяк-бяк над каждой книжечкой...

Эта книжка вышла в 72-м году. Составитель Неклюдов, ответственный редактор Мелетинский. Ну, вот это придумали вместе, составили... Серёжка ездил в Питер тогда... к Абрамовой... к Столяру про медвежьи черепа[84]. [*Вы общались с Проппом?*] Серёжка

[83] Имеется в виду некое место, где гравёр «за две бутылки» (обычная единица расчета в неофициальных деловых отношениях) срочно изготовит нужное клише взамен отвергнутого. Вася – возможно, работник производственного отдела.

[84] Абрамова Зоя Александровна (1925–2013) и Столяр Абрам Давыдович (1921–2014) историки, археологи, искусствоведы, доктора исторических наук, профессора. А.Д. Столяр – автор концепции «натурального макета» как прототипа скульптурных изображений зверей.

ездил к нему...[85] Ну, он [Пропп] тогда отказался что-либо дельное переиздавать в нашем издательстве, в «Искусстве», согласился только «о смехе и комизме»[86] – эту вот... небольшую книжечку... не лучшую... Нет, я с ним не общалась.

В какой-то момент, уже после введения войск в Чехословакию, всех редакторов... ну, кроме бухгалтерии и АХО[87] – все, значит, были приведены в зал – рядом с издательством на Цветном бульваре[88] располагался какой-то кинотеатр. Потом его снесли...[89] Ну, не снесли, а на что-то другое переделали. Забыла, как он называется. Около Садового кольца и Цветного бульвара. И пришёл человек из ЦК партии и долго-долго нам объяснял, что плюрализма больше не будет. Открытым текстом это он нам заявил. Потом, чтобы подсластить пилюлю пустили на экран... значит, оставили нас всех там и показали «Восемь с половиной» Феллини, который получил первую премию на московском фестивале [1963], что тоже было совершенно [удивительно]... и который показывали, но на каких-то закрытых показах – уже после того, как он премию получил. А тут, значит, как жест доброй воли – гнилой интеллигенции: «Вот, посмотрите, это вам должно понравиться»... Такие вот штучки.

Так что первые четыре года, шесть даже лет, пока ещё вот этот вот портфель был роскошный – успели набрать – но всё издать не успели. Но Гуревича успели издать «Категории средневековой культуры»[90]. Мукаржовского не успели издать – он вышел только когда Сорос дал деньги[91]. А меня из-за Мукаржовского выгнали

---

[85] С.Ю. Неклюдов был издательским редактором второго издания «Морфологии сказки»

[86] *Пропп В.Я.* Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976.

[87] Административно-хозяйственный отдел, структурное подразделение советского учреждения.

[88] Издательство «Искусство» тогда находилось по адресу: Цветной бульвар, д. 25.

[89] Речь идет о кинотеатре «Экспресс» (Цветной бульвар, д. 27).

[90] *Гуревич А.Я.* Категории Средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. Гуревич Арон Яковлевич (1924–2006), крупнейший советский и российский историк-медиевист, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, специалист по средневековой культуре.

[91] *Мукаржовский Я.* Исследования по эстетике и теории искусства / Сост. и коммент. Ю.М. Лотмана и О.М. Малевича; вступ. ст. Ю.М. Лотмана; пер. В.А. Каменской. М.: Искусство, 1994 (История эстетики в памятниках и документах). Ян Мукаржовский (1891–1975), чешский эстетик, литературовед, лингвист, участник (с 1926 г.) Пражского

в результате с работы. Ну, во всяком случае из редакции эстетики. Поменялся заведующий дважды[92]. Ну, и оказалось, что все это крамольное... И понятно было, что мне нужно уходить. А нет, потом меня ещё из «Эстетики» сослали в редакцию «Художественная самодеятельность»...

И тут я обнаружила, что... волна «отъезжанцев» ведь сильно усилилась... что все те, кто меня звали на работу, [уехали], включая вот это Восточное издательство[93], в котором опять же с подачи Серёжи что-то внештатно редактировала, рецензии какие-то писала, указатели какие-то делала, ну, в общем, какие-то трудные вещи тамошняя заведующая [мне] отдавала. И когда я попыталась перейти туда на работу, мне сказали: «Пятый пункт есть». И понеслась коза по кочкам. Значит, всем миром стали мне искать [работу] <...>

«Четверг у Зиновия Зиника».
Е.П. Шумилова, М.Н. Айзенберг, З.Е. Зиник, Е.С. Новик,
О.С. Люльки, О.Ю. Карпова, Л.М. Смирнов. Москва, 1975 г.

А куда я ни пойду, никто не берёт! И все... забыли уже за эти годы про антисемитизм! И все, кто мне место находит, зовёт куда-то в Институт культуры, ещё куда-то, ещё куда-то... – пятый

лингвистического кружка, академик Чехословацкой академии наук. Один из основоположников структурализма, семиологического подхода к анализу художественного текста.

[92] А.И. Воронин, В.Г Кисунько, В.С. Григорян.

[93] Издательство восточной литературы АН СССР (с 1957 г.), Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» (с 1964 г.), Издательство «Восточная литература» (с 1992 г.). Не вполне понятно, о ком именно здесь идет речь.

пункт. Потом, значит, Вячеслав Всеволодович, нашёл место в институте нерусских школ... Туда я пошла, мне сказали, что «нет», они предпочли бы... Они берут, значит, только из национальных меньшинств... Ну, вот там эвенки, чукчи... – вот таких. Блин!

Потом меня вызвали, чтобы уже можно было сократить... а нужно было, чтобы сократить, решение месткома. Но на местком я пришла, конечно, доведённая. Уже я не спала ночами. И говорю: «Что тут вообще происходит? Я только-только научилась редактировать, работу ищу... туда-то не взяли, потому что я еврейка, сюда-то не взяли, потому что я не чукча...» Ну, опять же все прогрессисты встали, хлопнули дверью, плюнули. После этого кадровик мне начал искать приличное место.

Какую-то работу тогда, по тем временам, надо было ещё предложить. И меня вот этот заведующий послал куда-то в издательство лёгкой промышленности, куда я пришла сначала к кадровику. Она меня отправила в редакцию, заведующая которой должна была на меня посмотреть: «кто она такая, чего?». Ну, я ей и говорю: «Я, конечно, к вам приду, буду работать, но, вообще говоря, я занимаюсь наукой, филологией и буду искать себе другое место. Если вы сейчас меня возьмете – ну, значит вот... Если вы откажетесь – я буду иметь возможность найти ту работу, которую я бы хотела». Не взяла. Отказалась.

После отказа этой тётки [кадровик] стал мне искать приличное место. Анекдот! Анекдот! Ну, он мне звонил каждое утро... в девять часов утра... а я в семь кое-как уснула... и спрашивал меня: «Елена Сергеевна, вы уже нашли себе работу?»

И уже вот наш мандельштамовед, а тогда просто психиатр московский...[94] Ну я просто к нему пошла просто просить помощи <...> Да он в нашем Мандельштамовском обществе[95] часто бывает, конференции собирает. Чудный – тогда совсем такой красавчик мальчик был. Он нам всем, значит, несчастным диссидентам-интеллигентам помогал как-то уравновешиваться...

---

[94] Фрейдин Юрий Львович (1942–2021), врач-психиатр и литературовед, сопредседатель «Мандельштамовского общества».

[95] «Мандельштамовское общество» – межрегиональная общественная организация; с момента своего учреждения в 1991 г. и до 2014 г. располагалась в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ), затем – в Высшей школе экономики (НИУ ВШЭ), в специально созданном Мандельштамовском центре.

Фольклорная комиссия Союза композиторов

И когда я уже попала в фольклорную редакцию Союза композиторов[96] – такой хутор! Все войны – это между композиторами происходили. Все космополиты, модернисты – все эти войны... А здесь – тишь да гладь была. Ну что, ну, фольклор. И всё, и я смогла и книжкой своей – шаманской темой заняться[97], и в экспедиции стала ездить, и просто по конференциям музыковедческим... В этой комиссии всё было нормальное, уже самостоятельная научная работа шла, хотя и во внерабочее время. Можно было и на работе что-то пописать-полистать-почитать, и прийти попозже...

[Потом] вот эти памятники пошли новосибирские[98]. И тогда я... Ну как-то через Гацака[99] это [к нам] доходило. Я говорю: «Ну, вообще-то музыковедение сибирское достаточно развито. Шейкин появился, который всем этим занимается...[100] Давайте всё-таки... Ну, фольклор, но звучать-то он должен же! Всё-таки это всё устное – звучащее!» И мы тогда начали приезжать... [в Новосибирск] из нашей комиссии десант такой. На третьей примерно [встрече] я сказала, что неплохо было бы ещё Шейкина привлечь и пластинки вставить [в книги серии].

Ходить надо было каждый день... но авралы там бывали два или три раза в год, когда или какую-то выездную [сессию] готовили, или раз в год готовили концерт носителей фольклора в Союзе композиторов. Вот там – все под ружьё круглосуточно, потому

---

[96] Всесоюзная комиссия по народному музыкальному творчеству (Фольклорная комиссия) Союза композиторов СССР, создана в 1962 г., находилась в Москве на Садово-Триумфальной ул., д. 12/14. В те времена творческие союзы были несколько более свободны в своей кадровой политике, что и позволило Елене Сергеевне зачислиться туда, минуя антисемитские установки обычных советских учреждений.

[97] *Новик Е.С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М.: ГРВЛ – Наука, 1984.

[98] Речь, по-видимому, идет о первых совещаниях по поводу проектируемой 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (Новосибирск: Наука; выходит с 1990 г.).

[99] Гацак Виктор Михайлович (1933–2014), фольклорист, исследователь традиционной культуры народов России и Восточной Европы, доктор филологических наук, член-корр. РАН, заведующий отделом фольклора ИМЛИ, один из редакторов «Памятников...».

[100] Шейкин Юрий Ильич, этномузыковед, фольклорист, доктор искусствоведения, член Союза композиторов СССР (РСФСР, РФ), исследователь музыкальных традиций народов Сибири.

что, знаешь, привозили... каких-то бабулечек... ну, аутентичные исполнители, которых выкапывали профессионалы – музыковеды-фольклористы. Без всякой самодеятельности, без всякой этой лабуды – феноменальные, конечно, исполнители были... Просто феноменальные!

Однажды вообще был кошмар. Они прилетали, когда закрыли все аэропорты Москвы. И все самолёты посадили в разных городах. И где их встречать? И куда кого подсадят – на какой рейс – а их надо было с трапа встретить и привезти в гостиницу, ну, потому что это были дети. Это даже не консерваторские студенты, а там вот... где-то школьного возраста, ещё дети. Это, конечно, дурдом для организаторов... но праздник души для всех. Полный зал в Союзе композиторов набивался!

[Как-то] они съехались накануне смерти Брежнева, и в Москве все мероприятия... всё это запретили. Ну, представляешь, со всей страны: откуда-то с Амура, откуда-то из пустыни, из деревень там, бабульки эти – коров им надо было оставить на кого-то. Приехали – а теперь, значит, ничего. Обычно мы концерт проводили. На фирме «Мелодия» у нас был свой звукооператор[101], который и записывал, пластинки потом делал – это всё уже было чётко отлажено. И мы поехали тогда быстренько, зафрахтовали Дом творчества композиторов под Рузой и всех туда увезли.

А потом случилось несчастье... Тогда оператор поехал записывать с нами это всё, и там, значит, [были] зурначи из Азербайджана... А Дом творчества на горке стоит... Он его записывает в помещении, а у зурны звук, представляешь, какой? Он не выдержал, говорит: «Давай, я в окошко выставлю микрофон и буду записывать». Как эта зурна разнеслась! Как приехали гэбэшники на мотоциклах: «Что за праздник?!» При том, что эти люди были очень внутри ситуации, они, эти казахские акыны-неакыны, импровизировали поминальные гимны в честь Брежнева по этому случаю – все как-то находились в этой ситуации. И это был поминальный плач! Мелодия поминальной песни. Но для них [гэбэшников] это был просто теракт! Просто идеологическая диверсия! Вот такое себе позволить! И немедленно всё прекратить! Здесь, значит, надо было остаться, собрать все документы, писать докладные и отбиваться от начальства, которое: «Всех уволить! Кто позволил – всех уволить!»

[101] По-видимому, Пётр Кондрашин.

Сибирские экспедиции

И кино поехали снимать... шаманчиков... командировки вот... от фольклорной комиссии, где я работала. Первые экспедиции. Ну, тогда ещё были полуполевые условия, когда мы организовывали в разных республиках под какую-то тему сбор всех фольклористов-музыковедов. Их там по пальцам можно было пересчитать. И там тоже были какие-то исполнители... с ними работа какая-то начиналась, но вот так по своей теме я поехала уже очень поздно. Уже когда написала книжку.

В 78-м или 79-м первая экспедиция была. Это был конгресс в Якутске по эпосу[102], а потом туда приехал ещё из Питера звукооператор с «Нагрой»[103]. Это тогда было чудо из чудес. По качеству – стационарная записывающая аппаратура. Только двадцать килограмм – и через плечо. И поехали мы тогда в Нюрбу. Из Якутска девочки поехали. Кто поехал? Коргузалов[104] питерский... Ну мы, два фольклориста-музыковеда, ещё и Азбелев[105]. Серёжка с Елеазаром Моисеевичем в Москву вернулись, а я поехала... Это была [экспедиция] только с записью, а потом поехали уже с адресом, уже с камерой – опять в Якутию, потом на Чукотку, потом на Амур. Три экспедиции было. Три или четыре.

Мне нелегко было в экспедициях, потому что я интроверт по рождению и ещё... ну, в общем, сакральная сфера, когда всегда неловко... И [нужно] умение видеть окружение, поскольку в следующей поездке уже нацелены на то, чтобы фиксировать [увиденное и услышанное]... и всю работу как-то подстраиваешь [под эти цели]. Ну что – семьдесят килограмм рюкзак с аппаратурой... А потом – что я могла бы у тех же нанайцев... я записывала от них тексты, но, конечно, времени [не было] на то, чтобы найти перевод-

[102] Имеется в виду Всесоюзная конференция фольклористов, 15–17 июня 1977 г., Якутск. См.: Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока: Материалы конф. / Под ред. Н.В. Емельянова, В.Т. Петрова. Якутск: Изд. Якут. фил. СО АН СССР, 1978.

[103] Nagra – торговая марка звукозаписывающей аппаратуры для профессионального применения, выпускалась швейцарской компанией Kudelski SA.

[104] Коргузалов Всеволод Владимирович (1920–1999), этномузыковед, фольклорист, зав. фонограмархива Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР / РАН.

[105] Азбелев Сергей Николаевич (1926–2017), историк, фольклорист, специалист по древнерусской словесности, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР / РАН.

Е.С. Новик на Всесоюзной конференции фольклористов. Якутск, июнь 1977 г.

Всесоюзная конференция фольклористов. Якутск, июнь 1977 г. *Фото С. Неклюдова*

Всесоюзная конференция фольклористов. Якутск, июнь 1977 г.

чика и тут же это всё переводить, записывать переводы... Просто рассчитана эта экспедиция на такого рода работу. Там важно было не углубляться в эту научную работу, а наоборот, чтобы всё было легко и просто, чтобы общение было и чтоб они... если уж согласились [общаться с нами], чтоб спокойно бы решали свои задачи в этой ситуации, и никоим образом лёгкости общения не помешать. Если ей хотелось петь песню, то я записывала уже вот так, просто чтоб она согласилась нас пустить.

Личных я заслуг за собой не могу припомнить, а ситуации такие [экстремальные] были, но я же не одна была в группе. Ну, допустим, когда мы приехали в Якутск... ещё не в Кутану... к одному из наших потенциальных информантов... Ну, мы уже знали, что он шаманил когда-то... Но в экспедиции ещё был Эдуард Ефимыч Алексеев[106] – музыковед-фольклорист, который всей этой работой Комиссии руководил. Ну, он отличный был полевик, певец замечательный, музыковед очень тонкий... И вот именно фольклорист. Наполовину еврей, наполовину якут, тоже из Якутска. И всё-таки словечки якутские привык... в общении, там чего-то скажет – и им кажется, что он вообще по-якутски говорит... Поддакивает там... что нам в общении с этими людьми было очень необходимо. Ну, всё-таки особые люди, особая тема... И какое-то окружение, в котором все наши [обычные] вопросы просто неуместны.

Вот... приплыли туда... долго что-то плыли... на санях каких-то тракторных ехали... Пришли к нему [шаману]. Магнитофон Эдик нёс. Аппаратура, камера – у Андриса Слапиньша[107], а у меня – мешочек с едой для всех и вот этот... на плече бубен висел... Самое лёгкое из того, что было... кроме рюкзака и всего прочего...

А мы перед этим, пока туда добирались, оказались в посёлке Эльгяй. Повели нас в местную достопримечательность – биологический музей учителя биологии[108]. Ничего подобного я не видела никогда в жизни! Обычная школа, какая-то изба, я даже не поняла, но там – какие-то большие комнаты оказались. В какой-то комнате под витринкой, значит, был телёнок с двумя головами, чучело, в каком-то лежали два засушенных медвежонка – они такие рож-

[106] Алексеев Эдуард Ефимович (1937–2021), этномузыковед, фольклорист, исследователь музыкальных традиций коренных народов Сибири (прежде всего якутов), доктор искусствоведения, председатель Фольклорной комиссии Союза композиторов СССР (1972–1992).

[107] Слапиньш Андрис (Andris Slapiņš, 1949–1991), латвийский кинооператор и режиссёр-документалист. Трагически погиб 20 января 1991 г., когда вел съемку уличных беспорядков в центре Риги.

[108] Андреев Борис Николаевич (1915–1985). Официальное открытие музея – 1971 г.

Перелёт во время одной из сибирских экспедиций.
Е.С. Новик, И.А. Бродский (Богданов), [неопозн.].
1970–1980-е гг.

даются махонькие. Ну вот этому учителю биологии все местные охотники, когда какую-нибудь странную [вещь] обнаруживали, несли к нему. Потрясающие у него были охотники, которые делали чучела ...

Потом он сделал комнатку, пошире этой, где были птички одного вида, но только все разного цвета <...> в горошку, в пятнышку, с растяжкой цвета... Только в клеточку не было! Притом он их так расположил, что там светлее [стало]... Вот такусенькие птички какие-то – я не запомнила, просто потому что даже дух перехватило, просто вся комната была из вот этих птичек, это для урока разнообразия в природе, внутривидовое разнообразие форм.

Потом был какой-то зал, где посредине стояла зебра, – потому что он со своими школьниками, со своими чучелами стал ездить по миру и обменивался! Одинаковых же много получилось. В другом зале стоял павлин! И перед ним стояла какая-то абсолютно замершая [старушка], не знаю, может, она туда и часто приходила. Но она была совершенно якутская бабулечка, которая смотрела на это чудо света! Замерла! Ну, просто это было как кунсткамера. Понимаешь, все функции – и пришкольный музей, чтоб уроки проводить, и чудеса со всего света.

Потом мы спустились в какой-то зал, в какой-то подвальчик, чай попить, что ли... И Андрис углядел. Вешалочка такая... Ну, гвозди или не гвозди – я уж не помню... Висят вот эти чёрные халатики чучельников. И где-то между ними висит новенький с иголочки шаманский костюм. Выяснилось, что какой-то местный кузнец, который выковывал для шаманов подвески, решил,

что ему ещё один комплект надо сделать. И сшил, значит, кто-то ему... женщина сшила этот вот халат белый... И всё это он выковал, и всё это он пришил и принёс в музей. И спокойно тогда умер. Ну, Эдик как-то директора этой школы, этого музея, учителя этой школы уговорил нам дать этот костюм напрокат. Мы взяли его с собой.

У нас, правда, был ещё один костюм шаманский, который делал один из любимых исполнителей Эдика, с которым он уже много лет работал, который... ну он не успел стать шаманом – уже советская власть наступила... Какой-то истопник при школе, замечательный певец... и очень одарённый. Но он и какую-то импровизацию бубна [сделал]... вот бубен у меня и висел, который он изготовил. И костюм тоже был.

Значит, он [этот шаман]... бельмо на одном глазу – так на меня зыркнул... Пришли к нему, а он говорит: «Нет, и чего пришли... приезжали тут уже с телевидения из Якутска... Привезли, – говорит, – костюм... шаманки... удаганки[109]... тряпки какие-то» (а это костюм из театральной постановки олонхо[110], который делал европейский художник-костюмер, чтобы почуднее...) «Костюма нету – ничего не буду, ничего не хочу... Вот приезжали – сказали, что по телевизору покажут, а теперь вот всё сижу-сижу, а всё не показывают. Костюма нет – всё. Вот какой-то привезли, но женский». Ну, Эдик разговор ведёт... «А у нас хороший есть...» – из мешка всё это достаёт... несколько фотографий Андрис сделал...

Старик стоит над ним [костюмом] – глаза загорелись... Щупает, перебирает... Потом взял себя в руки и говорит: «Неправильно подвески висят!.. Вот здесь вот!» Там всё нашито, здесь эти самые... костяшечки, вырезанные предплечья... Всё-всё-всё-всё правильно... Колокольчик висит под мышкой... Один на хвосте... Говорит: «Неправильно, колокольчики должны быть... – вот на этом (конусом сходящийся хвост костюма сзади), – и вот здесь должно быть...»

А Эдик как ни в чём не бывало говорит: «Мы сейчас этот отвяжем», – отвязывает, значит, здесь... И вот сейчас вот сюда привяжем... Тут он говорит: «А третий у меня есть!» Всё! Был на всё готов! Вот когда это увидел! Бубен побил – бубен хорошо звучал – всё это нормально... Согласился. Потом, значит, сказал так: «Чтобы вот этот вот мешок с костюмом и вот этот вот бубен – чтоб она [т. е. я] не трогала». И поехал с нами! Искать юрту поехал. Ну,

---

[109] Название шаманки у тюрко-монгольских народов Сибири и Центральной Азии.

[110] Вероятно, имеется в виду опера «Дьулуруйар Нюргун Боотур» М.Н. Жиркова и Г.И. Литинского (1945; по одноименному олонхо).

мы уже знали, где эта юрта может быть. Поехал с нами, на ысыах[111] приехал... а ему очень хотелось на ысыах попасть. Сначала в один посёлок, потом в другой... «У себя, – говорит, – здесь не буду, над детьми будут смеяться... Нет, вот только, значит, куда-нибудь в другое место». Ну, и всё!

У меня был ламповый магнитофон. Ещё где-то на машине можно было ехать, но [если] вот такие ухабы – в грузовике, наверху... подбрасывает – важно его [магнитофон] удержать, а она [скамья] в это время из-под тебя уезжает. Хорошо ещё, если задница не за бортом, а перед бортом останется. Ребро себе попортила. Сломала. Ну, хорошо – не надо было... его же не гипсуют... больно, больно... Да, больно всё это было.

Но зато когда его [шамана] там снимали, я уже старалась. А потом, после первой съёмки случилось несчастье: он [шаман] вышел, значит, на свет... Недокамлал. Что-то ребятни много набилось в эту юрту... Потом им показалось скучно, они выходить начали, а дверь нельзя открывать. Он же всерьёз духов собирал! А они разлетятся... В общем, как-то он так... Ну, это незаметно было, но я-то понимаю, что не дошёл он куда надо было. Вышел – и я смотрю – он в ужасе! Смотрит на свой рукав, где развязался вот этот ремешочек кожаный, и эта косточка так вот отвисла! Ну, вообще по легендам я знаю, что если на костюме сломается какая-то подвеска, то, значит, что-то случится с шаманом. И подойти боюсь! Поскольку женщина, и поскольку он меня от всего отстранил. Кричу: «Эдик! Эдик!». – Эдик пришёл, значит, – «подвеска, подвеска!» – чего-то там к нему... Он к нему так подошёл спокойненько... Ну вот как... Ничего он не делал: не гладил его, не успокаивал, ну, какие-то словечки говорил. Ну, он просто развязался – не порвался, ничего. Привязал вот косточку.

И потом он [шаман] пошёл и заснул днём – явно тяжёлым сном, а вечером проснулся и сказал, что будет продолжать. И даже не продолжать, а всё сначала будет показывать. То есть два дубля получилось. Конечно, никогда с дублями не снимали. Раз дан – и всё. А тут, значит, детей уже не пустили. Потом уже мы счастливые и довольные, и он доволен – и всё, и колотушка правильно упала, и всё замечательно! Сидим, значит, ужинаем... Ну, там, по стопочке... И он, значит, говорит: «Она, – говорит, – видела, как черти на меня налетели, чуть руку мне не сломали!» И после этого уже както спокойнее стал относиться к моему присутствию. Не как к вражине какой-то, которая тут живёт, женщина, болтается, только всё поганит. Всё замечал!

[111] Якутский весенне-летний праздник в честь светлых духов айыы и возрождения природы.

Ну, и потом, когда он рассказывал... (собственно, единственный человек, который рассказывал, как его посвящали, я даже не знаю, были ли ещё такие люди) рассечение тела – [такой] обряд совершали над ним <...> То есть посвященный вот по этому канону. Замечательно рассказывал! Ну, не то что к нему подсаживалась – нет, конечно! Всё равно аккуратненько держалась. Но там уже не было вот этого вот... напряга такого... взглядов таких... Он очень строго следил, чтобы не дай бог на мне бы бубен не оказался.

А больше, конечно, всё-таки [было] ситуаций, когда я отступала... во всяком случае, они запомнились больше. Какие-то замечательные проколы случались там – может, в каком-то смысле я больше [их] вижу.

Значит, приехали мы к нанайцам. С одной шаманкой я была знакома, ее привозили на эти концерты в Союзе композиторов. <...> А в той же [их] деревне жила шаманка помоложе, очень завистливая и ревностно относилась к этой [моей знакомой]... Эта очень спокойна [была], а та боялась, что мимо нее [что-нибудь] пройдёт... Там три [шаманки] было. Третья сказала, что нет, никак, – у нее вот тут пятаком намазанный лоб... болела голова, она лечила... красной монеткой – синячок получился. Ну, нормально, оттягивало, боль. А [та], другая, очень волновалась, как бы мы мимо не прошли. И когда мы пришли, она была уже наполовину уговоренная.

Но там меня поразило <...> – насколько сильна вот эта самая традиция, что она может не только адаптироваться, но даже и адаптировать совершенно эти чужие, чуждые элементы.

Она согласилась... Была <...> хроническая больная. <...> У нее инсульт какой-то был, в больнице ее продержали, выписали, а она не может дома ничего сама делать, только вот всё муж. И вот с этим он у нас просил, чтоб присутствовали... женщины из этого поселка, которые в эту традицию включены и в этих действиях участие принимали.

Потом оказалось, что у них очень странная функция. Приходим мы. Мы уже несколько раз были в этом доме. И о том, как ей первый бубен сделали [рассказывала]: она в рубашке родилась... из вот этой плаценты, из мешка, ей сделали первый бубен. Ещё какие-то вещи рассказывала... Пела песни взахлёб – такие, сякие, всякие... Нешаманские, конечно. И, в общем, все было в порядке. Впечатление произвело стоящее на столе... Стоявшая посреди стола бутылка с алюминиевой ложкой и с чёрной икрой. На стене этой комнаты висел портрет Сталина, поскольку у нее бывший гражданский муж – ссыльный поселенец с Кавказа. Там вместо иконки – вот этот портретик был. Это потом даже в фильм вошло![112] Андрис

[112] «Времена сновидений» (Е. Новик, Э. Алексеев, А. Слапиньш); фильм снимался в 1980–1985 гг. Андрис успел смонтировать черно-

там пока снимал, естественно, в точечку эту камеру и поставил. Потрясающий в этом смысле Андрюшка был, конечно! Чувство вот какое... Он фокусное расстояние должен рассчитывать – это же не автоматы были, это были камеры ручные... Вот...

А бабульки эти... я смотрю... ну, жарко, правда, было... печка нерастопленная... Думаю, как бубны будут греть эти бабушки? Бубны-то подогреть надо. Потом смотрю, у них там утюги включены, они через тряпочку, пока шаманка с одним [работает], они утюгами [другой] греют. Думаю, класс действительно!

«Снимайте, только свет выключим»... Я говорю: «А чего так?» – «Да, – говорит, – мне-то всё равно, но духи света испугаются и разлетятся...» Ну, там только фонограмма шла! Это вот первый вечер был. И там, значит, муж, шаманка и бабулька... немощная какая-то такая. Потом, правда, всё не так оказалось... Но это я потом уже узнала... <...> Песни были, но сказали, что на следующий день будет второй сеанс. Уже в доме этой больной... и что свет там всё время можно держать. Тогда Андрис спросил: можно ли софиты принести? (А мы с Хабаровска таскали эти софиты...) Принес софиты. Зажгли софиты.

И уже этот столик низенький... Сэвэнчики[113] с этими голубыми бусинами-глазами сидят... И здесь какая-то мармеладка, здесь какая-то пастилка, здесь какая-то печенька – и всё это вот любимое. Я была поражена, потому что здесь шаманка заставила духов... тоже с бубном – уже эта больная сама была с бубном... И шаманка ею руководила, но бегала уже к входу и к столику... Ее вот такой в первый вечер принесли, а тут она сама встает с диванчика. Но ещё перед этим я совершенно обалдела, потому что... утюги уже не стали готовить... И они бубны грели о наши софиты! Представляешь мою радость?! <...>

Вот просто польза от нас какая-нибудь! Потому что до этого как раз мы по этому посёлку шли, перед нами шли два цыгана, которые по этим домам носили, какие-то шмотки продавали. И мы с такими же своими мешками шли, наоборот, от них чего-то забирать! Хуже цыган! Вот ходишь – нет, чтобы чего-нибудь такого полезное для них сделать! – а делаем полезное для себя! Тут я счастлива, конечно, была! Была счастлива! Мне так жаль, что Андрюшка этого не запечатлел! Потому что перед этим внутренние были проведены

белый фильм, но не закончил цветную версию; она была закончена Еленой Сергеевной вместе с сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН в середине 1990-х гг. Новая версия, переозвученная, готовится в настоящий момент к изданию вдовой А. Слапиньша Натальей Дюшен.

[113] Сэвэны – шаманские духи-помощники и их изображения у нанайцев и других тунгусо-маньчжурских народов Дальнего Востока.

провода между домами, и шаманка эту больную по телефону приглашала.

Самый, конечно, у меня шок был, когда я потом из работы <...> Смоляк[114], узнала, <...> что эта вот больная, оказывается, три раза пыталась шаманкой стать! Но вот чему я удивилась в первый вечер: тому, что она ее с собой повела в нижний мир! С собой! Вот так они мотали ее по этой комнате – ноги волочатся, а они ее вот так... но ушла она действительно на своих ногах. Действительно болела! Вот эти изменения в канонической схеме, когда он – пассивный больной и никакого участия в физическом действии не принимает, как такой объект сопереживающий, и которого переводят... Первый [вечер], когда они ее ещё водили, как-то это было похоже, а вот то, что она сама уже с бубном на второй вечер – туда-сюда, – ну, это явно шло от того, что она сама шаманкой не станет, конечно, но вот это – продолжение по сути дела шаманской болезни[115], хотя лечили ее после больницы от того, что она двигаться не могла. Вот такие прокольчики классные случались!..

Я ездила только с Андрисом. И он ездил со мной только вот... Хотели мы сделать антологию. Ну, сейчас всё оцифровано, всё... Я отдала оригиналы плёнок в архив Красногорска. Ещё чёрно-белый фильм лежит... Андрис ещё успел отдать в Смитсоновский институт в Америке. Остальное всё... Вот эти вэхаэски...[116] И сейчас вот эти вот [лазерные] диски... Но я их даю, когда коллеги приходят просить.

Первая книга

В Союзе композиторов было самое счастливое, продуктивное время. Ну, может, эмоционально нагруженные [были] эти семь лет в издательстве... Ну просто они насыщенные оказались по событиям, а здесь я действительно уже имела возможность заниматься. Всё-таки книжку я же писала... Я показывала Елеазару Моисеевичу – в общем, я действительно была свободна и в настроении, и он

[114] *Смоляк А.В.* Шаман: личность, функции, мировоззрение (Народы Нижнего Амура). М.: Наука, 1991.

[115] Шаманская болезнь – тяжелое психофизиологическое состояние, в которое поначалу впадает человек, когда он оказывается призван духами к шаманскому служению.

[116] Вэхаэс (VHS, Video Home System) – кассетная аналоговая видеозапись. Кассеты VHS с копиями фильма «Времена сновидений» и другими работами А. Слапиньша находятся в архиве ЦТСФ РГГУ.

очень этому радовался. И в какой-то момент пошло-пошло <...> и последний лист я написала за неделю. Как Елеазар Моисеевич угадал, что это может быть и прорывная в каком-то смысле книжка, я не знаю. Ещё моё счастье, что этот сборник по сибирскому шаманизму вышел[117], когда у меня уже рукопись лежала в издательстве, конечно, [иначе] я бы не осмелилась [так] свободно обращаться с этим материалом. Всё-таки я его собирала из разных мест, как-то просеивала, выстраивала.

И я уже довольно долго занималась этим, когда я попала в фольклорную эту [комиссию], к музыковедам. Я уже какой-то докладик в Тарту делала <...> Ну вот как театр одного актёра... шаманское действо[118]. И знаковость всего того, что они [устроители обряда] делают, – вот с этого хода я как-то зашла. Потом, когда ещё в издательстве была, редактировала «Народный театр» Петра Григорьевича[119], и там была семиотическая основа его методики... И как-то всё это – как кристаллики нарастают, если в рассоле в этом плавают.

Конечно, Елеазар Моисеевич первый определил [все] вот по этим почеркушкам... там листик у меня какой-то был... ну, я говорю: «Двадцать восемь страниц». Вот он за этим увидел перспективу, и этот договор выхлопотал. <...> Я не знаю, как Серёжа с Елеазаром Моисеевичем договорились... Серёжа с Сергеем Сергеевичем Цельникером[120]. Но там надо было с Дрейером[121]

---

[117] Видимо, речь идет о книге: Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX в.) / Отв. ред. И.С. Вдовин. Л.: Наука, 1981. Название камуфлированное, объективные исследования религиозных форм в СССР не приетствовались, одобрялись только тексты разоблачительные и антирелигиозные.

[118] *Новик Е.С.* Камлания шамана как драматизированное описание вселенной // Сб. ст. по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973. С. 20–25.

[119] *Богатырев П.Г.* Народный театр чехов и словаков // Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. С. 11–166.

[120] Цельникер Сергей Сергеевич (1928–1999), востоковед, тюрколог, завредакцией публикации памятников Издательства восточной литературы (с 1994 г. – директор), практически руководивший целым рядом важнейших книжных серий этого издательства. О нем см.: «У времени в плену»: Памяти Сергея Сергеевича Цельникера: Сб. ст. М.: Вост. лит. РАН, 2000. С. 3–23.

[121] Дрейер Олег Константинович (1919–1997), кандидат исторических наук, востоковед, с 1956 г. один из создателей и вплоть до 1991 г. руководитель Издательства восточной литературы АН СССР.

договориться, чтоб со мной заключили договор [на книгу]. Я так удивилась, когда они мне это сказали! Я так Серёжку до сих пор толком не расспросила, как они... Тогда в «Восточном издательстве» издавали плановые работы, договорных практически не было. А когда я этот договор подписала... – ну, я сама с этими договорами [много] бегала в издательстве «Искусство», я знала, чего это стоило – заключить договор. И я поняла: на пятнадцать листов, на двадцать листов договор, а у меня двадцать восемь страниц написано! В шоке была! Ну, тогда Елеазар Моисеевич видит... в какой-то момент сказал: «Нет, всё, допишете книжку – ко мне придёте». Через два месяца я ему ее принесла, ну, не через два месяца... через полгода.

А я писать не больно-то умела. Но я ее за полтора года написала. Но потом она, правда, благополучно четыре года провалялась в издательском отделе из-за того, что у меня там были какие-то буквочки с диакритикой, а это[го] в типографии не было. Набирали ее в Новосибирске. Гоняли туда-сюда все эти корректуры. В московской [типографии] у них почему-то никак не получалось. Четыре года! Я ещё за это время отредактировала Леви-Стросса[122] им... я там активно сотрудничала всё время. Какая-нибудь корректура, какая-нибудь рукопись у меня всю жизнь была на столе. Так что, в общем-то, я, честно говоря, профессиональным учёным себя никогда не чувствовала. Это было всегда в свободное от работы время. Сначала была редакция фольклора при союзе композиторов, потом в какой-то момент Симченко[123] накрутил Тишкова[124] – и меня взяли в Институт этнографии[125]. Ну, это было уже года за два, за три до организации ИВГИ.

А когда я дописывала, я поняла: если я сейчас выйду, все эти тараканы, вся эта мелочь разбежится, надо писать эту главу... забюллетенила. Ну, в первый раз хороший ещё врач был: продлевал бюллетеньку... а у меня какой-то бронхитик был – в общем, дописала. Там можно было и на работе... Там было три с половиной человека... И вот я хоть в два дня, но должна прийти! Ну, всё равно

---

[122] *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: ГРВЛ – Наука, 1985.

[123] Симченко Юрий Борисович (1935–1995), антрополог, этнограф, доктор исторических наук, заведующий Координационно-методическим центром «Народы и культуры».

[124] Тишков Валерий Александрович, историк, этнограф, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, директор Института этнологии и антропологии РАН (1989–2015).

[125] Елена Сергеевна была научным сотрудником Института этнографии РАН в 1989–1992 гг.

мне на эту дорогу! Всё равно я писала, когда набирала материал! <...> Ну вот, приезжала с работы, засыпала, до одиннадцати спала, в одиннадцать садилась за пишущую машинку и до пяти часов работала. Потом до семи заснуть не могла. Конечно, приехать туда к десяти часам возможности уже не было. Просто уже качалась. Ну, конечно, эта жизнь на сковородке на горячей, [иначе] не назовёшь... Но... как-то судьба стелила мне эти вот... одеялки...

Защита

А Чистов и Путилов[126], когда приезжали, сразу шли к Елеазару Моисеевичу, а он звал нас с Серёжкой. И меня сдёрнул, чтобы я согласилась, хотя он считал, что это мне на фиг не нужно...

А потом, когда уже мне Путилов... нет, не Путилов, Чистов!.. защиту там организовал. В Петербурге я защищала кандидатскую. Я не могла как филолог ее защищать, как фольклорист не могла защищать, потому что на материале обрядов – значит, этнография. А раз этнография – значит, кандидат исторических наук. Пришлось мне сдавать историю СССР – слава богу, не историю мира, потому что, если б у меня диссертация была написана не по сибирскому шаманизму, а как-нибудь по-другому, мне пришлось бы всемирную историю сдавать. Меня больше всего напрягало, что я кандидат исторических наук, хотя я ни дат не запоминаю, ни методику! Фольклористическая методика у меня! И бедным историкам было тяжело до мозга костей, ведь со всем моим семиотическим... они закипели просто на защите! Потом, правда... Книжка вышла через полгода после моей защиты. Я первую часть опять перепечатала с верстки на машинке (заказала, конечно, сама не стала перепечатывать). И, значит, организовал мне тогда Решетов... он был учёным секретарём[127]. Папа у меня тогда уже слёг... Надо было как-то ухитриться уехать на защиту...

---

[126] Чистов Кирилл Васильевич (1919–2007), фольклорист, этнограф, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий Отделом восточнославянской этнографии Института этнографии (1961–1990), главный редактор журнала «Советская этнография» (1980–1991). Путилов Борис Николаевич (1919–1997), фольклорист, специалист по славянскому эпосу, фольклору и этнографии Океании, доктор исторических наук, руководитель группы общих проблем Института этнографии АН СССР (1967–1986).

[127] Решетов Александр Михайлович (1932–2009), синолог, этнограф, историк науки, кандидат исторических наук, ученый секретарь диссертационного совета (1969–2001) Института этнографии/Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера).

Ну, там уже и книжка была написана, и мне кочевряжиться как-то неудобно было, потому что Чистов просто звонил <...> предлагает мне прислать бумагу от моей организации, чтоб он меня мог оформить соискателем. Ну, уже свинство, в конце концов совесть надо знать-то! Я попыталась поначалу как-то отбрыкиваться, но поняла, что это просто неприлично! Для себя я жалею об этом, потому что три года, пока это всё тянулось... Я когда закончила писать книжку... у меня вот эти дороги [звали] дальше... Уже надо было садиться и следующую писать – понимаешь?! Всё было открыто: вот иди и пиши дальше! Ну, и за всё время, пока я там экзамены готовила. Философию ленинскую в Институте этнографии надо было сдавать в Питере! А там сидел крокодил, на совести которого не один инфаркт и пара трупов! Просто когда начиналась вот эта экзекуция во время экзаменов, людям становилось плохо, они либо в больницах кувыркались, либо сразу же в гроб! И конечно, я бы никогда этот экзамен там бы не сдала, и вообще бы сколько лет на это всё ушло! Опять же если б не Серёжка с вот этими экзаменами.

Было одно знакомство [при работе с «Ранними формами искусства»]... что-то такое про Китай...[128] А мальчик этот [наш автор] Артём Карапетьянц[129] – он, оказалось... работал и на кафедре, на философском факультете. Когда нам надо было сдавать кандидатский минимум по философии, он, значит, там с кем-то договорился, чтобы взяли из издательства письмо. Серёжка тоже, по-моему, соискателем был ... И тогда же, когда ему нужно было, он и меня прихватил. Ну, я говорю: ангел-хранитель, я за ним вторым эшелоном, вагончиком, без особого труда. Не могу сказать, что жизнь лёгкая была, но вот в этом отношении все дорожки прокладывал мне он... И я попыталась почитать эту историю марксистско-ленинской философии. И застряла, по-моему, на первой фразе: «Материя – это философская категория для определения...» Думаю: ну, если материя – это философская категория, то причём тут материализм и идеализм? В общем, сдали мы кое-как.

Мне оставался английский и специальность... Ну, вот ещё историю пришлось сдавать. Английский можно было в Москве сдавать! Остальные – туда ездила <...> Потом меня прикрепили к сектору общих проблем как соискателя, потому что к славянам я не годилась, где был Чистов <...> Меня туда определили. А там

---

[128] *Карапетьянц А.М.* Изобразительное искусство и письмо в архаических культурах // Ранние формы искусства. М.: Искусство, 1972. С. 445–468.

[129] Карапетьянц Артемий Михайлович (1943–2021), синолог, лингвист, текстолог, доктор филологических наук, профессор.

были Путилов и Алик Байбурин, который на тот момент, когда надо было всякие бумаги оформлять, очень тоже помог. Кандидатская у меня была под научным руководством Путилова.

А скандал был... «Откуда она взялась, почему мы ее не знаем, а она книжки пишет?!» Ну, среди этнографов-сибироведов. Сначала на защите были... У меня один оппонент был из Института востоковедения, и то, потому что должен был быть Рифтин...[130] В последнюю минуту оказалось, что он не может из Китая вернуться, и попросили другого человека. А вторая по сибироведению была Галина Николаевна Грачёва[131]. На нее рассердились, зачем она согласилась оппонировать. «Предательница». Как-то всё вот так шло...

А мою [докторскую] защиту в ИМЛИ Гацак устроил. По совокупности тогда можно было защищать – я же только доклад защищала – я не писала докторскую! Докторская... Я бы и не села даже...

У Серёжки в этом отношении все более или менее благополучно шло... А я и по работе вечно влипала... Ну, это, конечно, не сравнить с тем, что пережил Елеазар Моисеевич с войной, с тюрьмой и со всеми этими делами. И потом это всё продолжалось, когда его гнобили.

РГГУ

А как я попала в ИВГИ? Афанасьев позвонил Елеазару Моисеевичу, чтобы он составил список людей, которых хотел бы видеть в своём институте[132]. Ну, и чего Елеазар Моисеевич сделал? А я уже не чаяла – мне абсолютно нечего было делать в Институте этнографии! И когда мы сюда пришли, я посмотрела, конечно – партшкола-партшкола, только сняты были дорожки эти ковровые. Какой шкаф ни передвинешь – оттуда сыплются портреты Ленина. Какой ящик ни откроешь – там пачки партийных документов. Вот эти вот бланки. Ещё этот лабиринт – не поймёшь, куда соваться. И я говорю: «Место гиблое, и если хотя бы год мы вместе проработаем... Но оно того стоит [чтобы] попробовать». Вот и Ленку[133]

[130] Рифтин Борис Львович (1932–2012), синолог, литературовед, фольклорист, доктор филологических наук, академик РАН, главный научный сотрудник Института мировой литературы РАН.

[131] Грачёва Галина Николаевна (1934–1993), этнограф, специалист по культуре народов Таймыра, кандидат исторических наук.

[132] Речь идет об Институте высших гуманитарных исследований (ИВГИ РГГУ), тогда (в 1992 г.) только еще создаваемом.

[133] Шумилова Елена Петровна (1940–2018), ученый секретарь (1993–2005), заместитель директора (2006–2013) и один из основателей ИВГИ.

[привела]... Серёжа говорит: «Ну надо же... у тебя нет никого на учёного секретаря?» – Я говорю: «У меня есть абсолютно клановый человек, абсолютно надёжный и абсолютно грамотный. И работала она с тезисами – правда, по своей химии... но тем не менее!..» – «Ой, давай!» Я ей звоню и говорю: «Лен, вот так и так, ну, ты сейчас сидишь в своем химическом институте...» Мы закадычные были подружки! <...> А потом стали сотрудниками. Зашикала на меня, чтоб я к ней со своими дружескими соплями не приставала – у нее дел много.

После защиты диссертации Лены Семеновой. Е.С. Новик, Б.Л. Рифтин, Е.П. Шумилова, Л.Н. Семенова. РГГУ, 10 мая 2000 г.

I Летняя школа ЦТСФ по фольклористике. Е.С. Новик, А.Ф. Некрылова, Н.Н. Садомская. Новгород, май 2003 г.

Юбилей С.Ю. Неклюдова. А.В. Козьмин, А.С. Архипова, Е.С. Новик, М.А. Гистер, И.М. Лившиц. Москва, РГГУ, 2006 г.

Свой путь

Как ты поняла из предыдущего рассказа, все мои научные достижения – они все были вопреки обстоятельствам. Во-пре-ки. Просто вот – или я к утру напишу, или я выйду на работу и никогда не напишу. Из-за этого я опаздывала со своими публикациями, много статей не написано, но тем не менее я занималась – вопреки. И не приобрела этой академической [дисциплины]... навыка по [выполнению плановых] заданий... ну, как они все бедные существовали – меня колотило просто. Вот тематический сборник. Каждый должен написать на своём материале что-то под общую шапку, так же и в ИМЛИ было. По всей стране так жили академические институты. Я писала, когда хотела, и особенно, если успевала. Потому что всяких начинаний было много. Я ездила на конференции в Питер, в Новосибирск, выступала там... И на всё это меня каким-то образом хватало. Но писать регулярно и то, что [по плану]... я не научилась. Не то что не хотела... а просто не умела.

А потом высохли мозги, и вот эту последнюю книжку – вот эту «Историческую поэтику»...[134] [делала с трудом]. Я там хорошо выстроила свой кусок – мне понравилось, как я его выстроила. Но я его писала отвратительно! Так что в смысле творческом для

[134] *Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С.* Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике. М.: РГГУ, 2010 (Традиция – текст – фольклор: типология и семиотика). Окончательное составление и редактирование текста взяла на себя Елена Сергеевна (переиздание: М.: РГГУ, 2021).

меня, как-то наоборот, расслабленное благополучное состояние, когда восторг и эта эйфория, что мы все, наконец, вместе, когда ещё там хозяйственные дела [по устроению ИВГИ] были, все эти традиции там завести... и эти издания, тогда я ещё могла чего-то двигать и организовывать. Я не то чтобы устала, просто вот... Ну, книжки издавать и редактировать в какой-то момент устала. Или глаза уже поехали, или... перестало быть профессиональной гордостью... Движение «вопреки»! А тут всё стало «благодаря» – и оказалось мне непривычно настолько, что я в нем растаяла и не нашла себя.

С аспирантами мне интересно работать. Что касается лекций – это хуже, чем у тебя, понимаешь, я в более старшем возрасте... Мне где-то в юности заведующая кафедрой иностранной литературы предложила читать курс мифологии для аспирантов. Я пришла в ужас от того, что, там сидели знакомые постарше меня, которых я помнила ещё с этого симпозиума по семиотике. То есть вот цвет науки. Я так перепугалась, что когда мне надо было прийти во второй раз... Я уже понимала, что никого не будет. Просто такой был шок, что не смогла встать, при здоровом сердце – у меня был сердечный приступ. Я не смогла поехать. Вот это как-то застряло, наверное.

Преподавать мне очень трудно было ещё в школе, когда я сразу после университета попала в школу... Ну, когда я МГУ закончила – мне хотелось во всей неординарности всё это подавать... И очень смышлёные дети были, специальная школа была... Туда поступали... Классы были разделены... Там были химия, физика и литература. Ну, мне доверили физиков, потому что гуманитарный класс вёл более опытный преподаватель. Я как представила, что передо мной глобусы сидят, особенно на этом семинаре... и я им что-то готовое должна вкладывать... Притом что весь рефлекс по поводу, что это такое, что такое мифологическое мышление, – ответы на эти вопросы для меня были актуальны, за всем этим стояла аура всяких концепций... Значит, опять как – всё построить, я понятия не имела и мучилась.

Ну, тут ещё Елеазар Моисеевич – выхода не было – Елеазар Моисеевич уже не смог приезжать читать курс... Отказываться из-за этого от курса [который мы вели] – конечно, ни ему, ни Серёже, ни мне не хотелось. Но это мука каждый раз была. На первом курсе было просто отчаяние, потому что им про мифологическое мышление рассказывать [надо], когда они в детском саду прочитали мифы Древней Греции и дальше ничего и знать не знают. Ну, потом несколько курсов интересных было, просто детей интересных.

Вообще я не очень общительный человек. И всегда для меня это непросто было. Ну, конечно, за компанию и жид повесился –

Е.С. Новик. Москва, 1980-е гг.

разумеется, всё нормально... Никаких сложностей в общении, чтоб мне оно на блюдечке преподносилось... Вот сейчас это всё и вылилось в то, что нормально я себя чувствую, только когда дома... Никаких контактов.

Я тебе рассказала больше, чем нужно, и надеюсь, что это кому-нибудь когда-нибудь ещё пригодится... просто про наше время. Вряд ли я сяду писать мемуары, но это интересные вещи – просто как мы жили...

Запись и расшифровка Е.Е. Жигариной, подготовка текста С.Ю. Неклюдова, Н.В. Петрова, комментарии С.Ю. Неклюдова, Н.В. Петрова, Г.Г. Суперфина, О.Б. Христофоровой, при участии Е.Д. Андреевой и А.С. Подгаец